

СИБИРСКИЙ

А Р Х И В Ъ.

Журналъ исторіи, археологіи, географіи
и этнографіи Сибири, Средней Азии и
Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ III.

№ 5.

Май 1914 года.

МИНУСИНСКЪ.

Типографія А. Ф. Метелкина.

1914.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Этнографовъ.

Географовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Р. Х. Н. Е. Ф.

Журналъ этнографическаго общества
и этнографическаго общества
Дальняго Востока.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ III

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

№ 5

А. Р. Х. Н. Е. Ф.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1880

ЛѢТОПИСЬ

Усинской миссіи, находящейся на рѣкѣ Усу, Енисейской губ.,
Минусинскаго округа, Шушенской волости, близъ Китайской
границы.

(Продолженіе).

Продолженіе дѣятельности миссіонера въ 1877 году.

19 февраля я представилъ въ Шушенское волостное правленіе приговора на уступку земли подъ Усинское училище и вѣрительный отъ крестьянъ, желающихъ переселиться на Усь.

13 марта я выѣхалъ на р. Усь и пріѣхалъ туда 20 марта. Здѣсь я встрѣтилъ между раскольниками большое броженіе, ибо они не хотѣли допускать сюда новоселовъ изъ православныхъ и этимъ воспользовались главари раскольниковъ, чтобы вооружить ихъ противъ меня, такъ что я, подрядивъ православныхъ нарубить лѣсъ и панилить тесъ и плахи, нужные для постройки училища, долженъ былъ выѣхать на торговое заведеніе Г. Сватика. Къ этому меня побуждало: 1) опасность моего пребыванія здѣсь; 2) тамъ я могъ лучше ознакомиться съ сойотами и ихъ начальниками, и 3) оттуда я скорѣе могъ попасть въ Минусинскій округъ.

Выѣхавъ 23 апрѣля съ Уса, я проѣхалъ черезъ Уюкъ, Ижимъ и Чагуль на Бомъ-Кемчугъ, куда и прибылъ 1 мая. Весь этотъ путь я совершилъ верхомъ.

На Бомъ-Кемчугѣ я прожилъ до 25 іюня, ибо не съ кѣмъ было выѣхать въ Минусинскій округъ. Все это время я употребилъ на изученіе вѣрованій и быта сойотовъ, которые жадно слушали мои бесѣды изъ священной исторіи. Многіе сойотскіе начальники заявляли о своемъ желаніи отдать мнѣ въ обученіе своихъ дѣтей.

25 іюня я отправился на плоту съ купцомъ Бяковымъ внизъ по Бому и Енисею. 29 іюня мы прибыли на устьѣ р. Уса, гдѣ переплачивали плотъ. Только 4 іюля пріѣхалъ я въ с. Бейское. Путешествіе мое было не совсѣмъ безопасно. По-

роги, шивера и камни безпрестанно заставляли бояться. Особенно опасно было плаваніе по Бомъ-Кемчугу и отъ Большого до Джойскаго порога.

Въ Беѣ я узналъ, что сюда скоро пріѣдетъ владыка на освященіе новаго придѣла въ церкви. 7 іюля я видѣлся съ о. благочиннымъ, который ѣхалъ навстрѣчу преосвященному. Владыка прибылъ 14 іюля. Я былъ у него и получилъ архипастырскія наставленія.

16 іюля, по приказанію владыки, я поѣхалъ съ священникомъ Сахаровымъ въ Аскизъ, гдѣ получили отъ преосвященнаго планъ на училище, сборную книжку и слѣдующія два предложенія: одно—отъ 30 іюня 1877 года за № 138 о принятіи Горбунова въ дѣйствительные члены миссіонерскаго общества и о выдачѣ ему сборной книжки; другое—при надписи отъ благочиннаго отъ 15 іюля 1877 года за № 417, въ которомъ комитетъ утвердилъ слѣдующее: 1) собесѣдованіе въ воскресные и праздничные дни съ православными о предметахъ вѣры; 2) объ устройствѣ на Усу церкви и школы; 3) объ отводѣ 15 десятинъ земли для Усинскаго училища; 4) о предметахъ преподаванія въ этомъ училищѣ; 5) объ ознакомленіи съ раскольничьими книгами; 6) о назначеніи на Усь священника, который долженъ туда по временамъ ѣздить для исправленія требъ.

Въ с. Бейскомъ я прожилъ до февраля 1878 года, такъ какъ мое присутствіе здѣсь было необходимо для образованія православнаго прихода на рѣкѣ Усу. Изъ Бейскаго я иногда выѣзжалъ въ Минусинскъ и с. Шушенское. За это время я хлопоталъ о припискѣ православныхъ въ Усинскій край, собиралъ пожертвованія на церковь и школу и изучалъ богослужебныя книги.

Въ августѣ я послалъ въ миссіонерскій комитетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ за 1-ю половину 1877 года слѣдующаго содержанія.

„Я выѣхалъ изъ села Бейскаго 13 марта и пріѣхалъ въ д. Верхне-Усинскую 20 марта. Къ этому времени на Усу прибыло шесть православныхъ семействъ. Всѣ они приняли меня съ большою радостію. Но не то было съ раскольниками! Видя, что православные переселяются сюда, они тотчасъ же послали нарочнаго къ наставнику своему Лазарю Иванову съ вѣрительнымъ приговоромъ, составленнымъ на тотъ предметъ, чтобы выжить отсюда православныхъ. Такъ какъ я по необходимости долженъ былъ защищать православныхъ, то раскольничьи наставники разсердились на меня и начали распускать всякіе нелѣпные слухи обо мнѣ и тѣмъ старались возстановить своихъ единовѣрцевъ противъ меня. Несмотря на

то, что для меня не было никакой квартиры и что нѣкоторые бродяги—раскольники покушались произвести надомной насиліе, я все таки прожил нѣкоторое время на Усу, причемъ исполнилъ слѣдующее: 1) читалъ для православныхъ утреню и часы на пасхѣ и во всѣ праздничные дни; 2) заготовилъ лѣсъ для училища (только онъ еще не вывезенъ); 3) порядилъ всю пилку; часть этой работы уже при мнѣ выполнена; 4) старался разъяснить это дѣло ближайшимъ своимъ знакомымъ раскольникамъ.

Но такъ какъ дальнѣйшее мое пребываніе на Усу было безцѣльно, ибо нужно было хлопотать объ образованіи православнаго прихода, объ отводѣ земли, о сборѣ средствъ для постройки училища и о прочемъ въ Минусинскомъ округѣ, то я и рѣшился выѣхать съ Уса. Однако сдѣлать это было не совсѣмъ легко, ибо съ раскольниками ѣхать я не могъ, а изъ православныхъ никто не собирался въ дорогу. Поэтому я рѣшился выѣхать на торговья заведенія Минусинскихъ купцовъ и искать тамъ случая къ выѣзду. Хотя мнѣ и долго пришлось ожидать здѣсь попутчиковъ, но это послужило мнѣ къ большому ознакомленію со страной и къ сближенію съ сойотами.

Въ Минусинскомъ округѣ я имѣлъ счастье встрѣтить преосвященнаго и получить распоряженіе епархіальнаго комитета миссіонерскаго общества, причемъ я встрѣтилъ надобность донести о слѣдующемъ.

1. При безпрестанныхъ моихъ сношеніяхъ съ сойотами, гдѣ являюсь я защитникомъ и совѣтникомъ ихъ, мнѣ необходимо знать, въ какихъ отношеніяхъ они стоятъ къ русскимъ и какія могутъ быть права здѣсь; равнымъ образомъ, какія права мы имѣемъ въ ихъ владѣніяхъ. И посему не найдетъ ли миссіонерскій комитетъ нужнымъ сообщить мнѣ копии съ трактатовъ и дополнительныхъ статей къ нимъ, заключенныхъ между Россіей и Китаемъ. Они, вѣроятно, есть въ губернскомъ совѣтѣ.

2. Комитетъ предлагаетъ мнѣ знакомиться со старообрядческими книгами и преимущественно съ книгой о Вѣрѣ и Кирилловой книгой, но раскольники своихъ книгъ не только православнымъ, а даже и своимъ единовѣрцамъ весьма рѣдко даютъ; и поэтому не найдетъ ли комитетъ возможнымъ выписать эти книги для меня.

На Усѣ нынѣ выѣхалъ г. засѣдатель 3-го участка Протопоповъ. Я не успѣлъ съ нимъ выѣхать, да и считалъ это неудобнымъ, потому что раскольники могли всѣ дѣйствія засѣдателя приписать моимъ внушеніямъ и окончательно разойтись со мною. Въ виду этого я изложилъ письменно всѣ не-

обходимыя для г. засѣдателя свѣдѣнія, а самъ остался дожидаться его возвращенія. Когда онъ возвратится съ Уса, то я поѣду туда, но къ зимѣ все таки долженъ пріѣхать въ Минусинскій округъ, ибо необходимо окончить всѣ дѣла по образованію прихода и объ отводѣ земли, а также пріобрѣсти средства для постройки училища, закупивъ для этого нужные матеріалы.

Теперь же, до возвращенія г. засѣдателя съ Уса, я посвящаю время на изученіе богослужебныхъ книгъ, ибо раскольники во многихъ случаяхъ опираются на нихъ, а я не настолько знакомъ съ этими книгами, чтобы состязаться съ раскольниками. Теперь ожидаю выбора мѣста для церкви и отвода земли для переселенцевъ, чтобы начать перевозку лѣса и постройку училища. Тогда можно будетъ начать и чтенія, а сейчасъ нѣтъ для этого никакого помѣщенія“.

Въ то же время я вошелъ къ благочинному протоіерею Бенедиктову съ слѣдующимъ представленіемъ.

„Енисейскій енархіальный комитетъ миссіонерскаго общества черезъ васъ выслалъ члену того общества С. П. Горбунову книгу на сборъ добровольныхъ пожертвованій на предметъ постройки въ Усинскомъ краѣ миссіонерской церкви и школы съ надписью: „по настоящимъ чертежамъ можно строить домъ для училища“. За недостаткомъ помѣщенія на Усу я затрудняюсь въ проживаніи тамъ и, сверхъ того, не могу вполне исполнить предначертанія комитета относительно установленія чтеній о предметахъ вѣры, равнымъ образомъ и приступить къ обученію дѣтей; такимъ образомъ весь успѣхъ миссіонерскаго дѣла въ сущности зависитъ отъ скорѣйшей постройки училища.

Озабочиваясь этимъ, я еще весной настоящаго года заготовилъ весь лѣсъ для училища и порядилъ пилить тесъ и плахи, такъ чтобы нынѣшней зимой вывезти ихъ, а ранней весной начать постройку.

Между тѣмъ, я нынѣ встрѣтилъ слѣдующія затрудненія, подлежащія разрѣшенію. а) Могу ли я или членъ миссіонерскаго общества Горбуновъ расходовать на постройку училища собранныя по книжкѣ деньги; если могу, то на какомъ основаніи? Или нужно избрать еще особаго строителя, что будетъ сопряжено съ большимъ затрудненіемъ? б) Кому нужно подавать отчетъ въ постройкѣ училища? в) Миссіонерскій комитетъ пишетъ, что онъ снесся черезъ своего предсѣдателя съ управляющимъ казенной палатой объ отводѣ земли подъ училище. Но такъ какъ это училище должно быть построено при церкви, то необходимо знать, избрано ли мѣсто ѣдно

воскреснымъ и праздничнымъ днямъ разрѣшено было въ за-
дѣ училища устраивать чтенія о предметахъ вѣры и объ ис-
торическомъ развитіи раскола въ Россіи. При этомъ имѣется
въ виду 1) бібліотеку составить, помимо учебныхъ книгъ, и
изъ сочиненій, относящихся до Сибири и сопредѣльныхъ съ
нею странъ, равно и изъ книгъ технического содержанія; 2)
при предполагаемомъ музеѣ оборудовать модели машинъ и
снарядовъ, употребляемыхъ при мѣстныхъ промыслахъ.

На землѣ, отведенной къ училищу, предполагается уст-
ройство огорода и опытныхъ полей, гдѣ ученики могли бы
сами усвоить лучшіе приемы обработки земли. Кромѣ того,
эти поля будутъ служить и другой цѣли. Здѣшнее сельское
хозяйство годъ отъ году все болѣе падаетъ и часто не оп-
равдываетъ трудовъ, положенныхъ на него. Главнымъ пре-
пятствіемъ къ развитію земледѣлія являются: дурная обра-
ботка земли, неподходящая система земледѣлія и разбросан-
ность пашень. Вслѣдствіе этихъ причинъ земля здѣсь быстро
истощается, а удобрять ее не умѣютъ да и не хотятъ. Сверхъ
того, между крестьянами сильно укоренился предрасудокъ,
что будто здѣшняя земля не принимаетъ никакого удобрения.
Хозяйство школы должно наглядно доказать протавное и тѣмъ
возвысить и крестьянское землепользованіе.

Въ настоящее время дѣло объ устройствѣ училища на-
ходится въ слѣдующемъ положеніи. Для училища пригото-
влены дѣсь, плахи и тесъ; постройка начнется ранней весной,
лишь только состоится отводъ земли. Съ сентября, какъ я
надѣюсь, начнется и ученіе.

Для бібліотеки школы имѣется 88 книгъ изъ числа прислан-
ныхъ комитетомъ грамотности; 40 книгъ прислано изъ мис-
сіонерскаго комитета и 40 книгъ пожертвованы мною. Часть
книгъ, присланныхъ комитетомъ грамотности, была въ нѣ-
сколькихъ экземплярахъ; дублиеты мной проданы и на выру-
ченную сумму 30 рублей я выписалъ учебныя пособія, нуж-
ныя для школы, и книги, относящіяся къ Сибири.

Къ сожалѣнію, средствъ для постройки училища весьма
мало. Мѣстный миссіонерскій комитетъ самъ имѣетъ весьма
скудныя средства, а частная подписка дала до сего времени
только съ небольшимъ 50 рублей. Но несмотря на всѣ эти
препятствія, я надѣюсь, что дѣло это осуществится и въ
слѣдующемъ году я буду имѣть удовольствіе довести до свѣ-
дѣнія комитета о началѣ ученія въ этомъ училищѣ.

1878 годъ.

Отчетъ комитету грамотности.

Въ началѣ января 1878 года я послалъ отчетъ въ комитетъ грамотности за первые два года существованія мисси слѣдующаго содержанія.

„Комитетъ грамотности при отношеніи своемъ отъ 14 марта 1876 года за № 66 прислалъ мнѣ 350 томиковъ разныхъ книгъ какъ для вновь учреждаемой школы на р. Усу, такъ и для библіотеки при ней. Я тогда же обѣщаль доносить комитету о ходѣ этого дѣла и теперь сиѣшу исполнить свое обѣщаніе.

Такъ какъ при самомъ началѣ настоящаго предпріятія возникло сомнѣніе, найдутся ли для будущей школы ученики, то я, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, открылъ въ 1876 году, въ видѣ опыта, обученіе дѣтей въ своей квартирѣ. Для этого я взялъ одного инородческаго мальчика, одного православнаго и двухъ раскольниковыхъ дѣвочекъ. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія; особенно хорошо учился инородческій мальчикъ. Въ восемь мѣсяцевъ онъ читаль толково и писалъ; зналь начальныя основанія Закона Божія, четыре правила ариметики и понятія изъ грамматики. Къ концу года набралось человекъ до 10, въ томъ числѣ четверо изъ раскольниковъ. Кромѣ того, многіе изъ сойотскихъ начальниковъ (китайскихъ подданныхъ) заявляли мнѣ желаніе отдать своихъ дѣтей учиться по русски. Наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что самъ *амбу-нойонг* (губернаторъ и владѣтельный князь) намѣренъ отдать своего сына въ нашу школу.

10 января 1877 года православные жители Усинскаго края составили приговоръ, которымъ уполномочили меня ходатайствовать объ учрежденіи у нихъ школы, причемъ отводили къ ней 15 десятинъ земли. Этотъ приговоръ представленъ мною для засвидѣтельствованія, но къ сожалѣнію, онъ пролежалъ цѣлый годъ въ портфель исправника, такъ что я только нынѣ получилъ его обратно. Между тѣмъ, по моему представленію мѣстный миссіонерскій комитетъ въ засѣданіи отъ 12 июня 1877 года: а) утвердилъ планъ училища и разрѣшилъ пбстройку онаго; б) постановилъ сообщить казенной палатѣ объ отводѣ земли подъ училище, и в) предметами ученія въ школѣ назначилъ толковое чтеніе по русски и по славянски, письмо, Законъ Божій съ разъясненіемъ нашихъ разностей съ старообрядцами, счетъ и геометрическія измѣренія, землеописаніе Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ, знакомство съ мѣстными техническими производствами. По

церковь и гдѣ именно. А безъ этого я не знаю, куда вывозитьлѣсь. Почему я покорнѣйше прошу ваше высокоблагословеніе разрѣшить настоящіе вопросы и дать мнѣ о томъ знать.

Я предполагаю, что впредь до постройки церкви залъ училища можетъ замѣнять молитвенный домъ, гдѣ временно можетъ быть отправляема божественная служба и вмѣстѣ съ тѣмъ—воскресныя и праздничныя чтенія“.

15 октября получено было отношеніе отъ 15 же октября 1877 года за № 2738 о выборѣ особаго довѣреннаго на подачу просьбы въ казенную палату отъ переселяющихся крестьянъ. Но крестьяне для этой цѣли избрали меня же и дали въ томъ вѣрительный приговоръ, почему я и вошелъ съ просьбою о причисленіи этихъ крестьянъ на р. Усь. Такъ какъ вѣрительный приговоръ былъ засвидѣтельствованъ только въ половинѣ декабря, то просьбу я могъ подать только въ январѣ.

Въ ожиданіи этого я жилъ въ с. Бейскомъ, гдѣ по возможности изучалъ богослужебныя книги, на которыя такъ часто ссылаются раскольники въ спорахъ съ православными.

15 декабря я получилъ отъ благочиннаго предписаніе миссіонерскаго комитета отъ 5 декабря 1877 года за № 163 относительно отвода земли къ училищу.

Въ это же время (9 декабря) я получилъ черезъ благочиннаго предписаніе миссіонерскаго комитета отъ 29 ноября 1877 года за № 161 о слѣдующемъ. 1) Начальникъ губерніи нашелъ неудобнымъ выслать мнѣ трактаты, заключенные Россіей и Китаемъ, а по сойотскимъ дѣламъ необходимо обращаться прямо въ комитетъ. 2) Нужныя мнѣ книги будутъ высланы.

Въ предписаніи отъ того же 29 ноября 1877 года за № 160: а) предоставлено Путилову расходовать на постройку училища деньги, собираемыя съ книжкѣ Горбунова; б) отчетъ въ употребленіи этихъ денегъ представлять черезъ благочиннаго въ миссіонерскій комитетъ; и в) мѣсто подъ церковь предоставить избрать Путилову.

23 декабря я получилъ изъ Шушенскаго волостного правленія два засвидѣтельствованные приговора: одинъ—вѣрительный, а другой—относительно уступки земли къ училищу и объ устройствѣ его.

Отчет Московскому митрополиту.

11 января я представил отчет за два истекшіе года его высокопреосвященству митрополиту Московскому Иннокентію при слѣдующемъ донесеніи.

„Я уже имѣлъ честь докладывать (14 іюля 1875 г.) вашему высокопреосвященству о необходимости заведенія на р. Усу (Минусинскаго округа, Енисейской губ.) церкви и школы, которыя имѣли бы цѣлю распространеніе православія между раскольниками и христіанства между идолопоклонствующими инородцами, на что я и удостоился получить ваше архипастырское одобреніе и благословеніе отъ 5 декабря 1875 года за № 977.

Съ того времени прошло слишкомъ два года. Время это прошло для меня и для дѣла не бесполезно. вспомошествоваемый и одобряемый мѣстнымъ епархіальнымъ комитетомъ, я трудился по мѣрѣ силъ своихъ для самоусовершенствованія себя на духовномъ поприщѣ и для осуществленія самаго дѣла. Хотя при этомъ я встрѣчалъ и встрѣчаю много препятствій, но я твердо убѣжденъ, что если это дѣло пріятно Богу, то никакія злохитренія человѣческія не могутъ повредить ему: Богъ поругаемъ не бываетъ. Получивъ благословеніе вашего высокопреосвященства на это дѣло, я счелъ своею непременною обязанностью повергнуть на ваше благоусмотрѣніе отчетъ о положеніи дѣла и о своихъ дѣйствіяхъ за это время по устройству Усинской миссіи.

Теперь дѣло постройки школы и церкви останавливается за недостаткомъ денежныхъ средствъ, но я твердо надѣюсь, что и здѣсь Господь всеильною десницею своею пошлетъ намъ помощь оттуда, откуда мы и не ожидаемъ, и мы, хотя не скоро, но совершимъ это дѣло“.

Самый отчетъ состоялъ въ слѣдующемъ.

„14 августа 1875 года состоялось постановленіе Енисейскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго общества о посылкѣ меня въ качествѣ миссіонера въ Усинскій край. При этомъ мнѣ поставлено было въ обязанность ознакомиться съ духовными потребностями жителей Усинскаго края и донести о томъ мѣстному преосвященному. На путевыя издержки было дано мнѣ 60 рублей.

Пріѣхавъ въ Минусинскій округъ 14 сентября, я долженъ былъ остановиться здѣсь для собиранія свѣдѣній о состояніи Усинскаго края и путей, ведущихъ туда. Между тѣмъ наступила осень и путь черезъ горы въ Усинскій край закрылся. Я поневолѣ остался зимовать въ Минусинскомъ ок-

рубль. Здѣсь я узналъ, что Усинскіе православные жители подали засѣдателю 3-го участка Минусинскаго округа Сорочинскому заявленіе о желаніи своемъ имѣть православную церковь въ тамошнемъ краѣ.

1 февраля я имѣлъ счастье получить благословеніе и одобреніе вашего высокопреосвященства, что много придало мнѣ болрости въ исполненіи моей обязанности.

Того же 1 февраля я получилъ распоряженіе мѣстнаго миссіонерскаго комитета объ отправкѣ меня въ Усинскій край, при чемъ: а) предписано было избрать особаго сборщика для сбора пожертвованій на постройку церкви и школы; б) определено мнѣ жалованіе въ 180 руб. въ годъ и 60 руб. разъѣздныхъ. Такого содержанія мнѣ съ семействомъ было совершенно недостаточно, ибо, по отдаленности края отъ населенныхъ мѣстъ, а болѣе потому, что все населеніе тамъ состоитъ изъ раскольниковъ, жизненные припасы очень дороги, а разъѣзды трудны, но я, помня евангельское изрѣченіе „ищите прежде царствія Божія и правды его“, не колеблясь, поѣхалъ по назначенію.

23 февраля 1876 года я съ семействомъ отправился въ Усинскій край, куда я прибылъ 1 марта, пробывъ въ дорогѣ 7 дней, и во все это время только одну ночь провелъ въ теплой юртѣ (на Устьѣ—Уса), остальные же ночи пришлось спать на снѣгу среди здѣшней дремучей тайги. Православные жители Усинскаго края встрѣтили меня съ восторгомъ, но не то было съ раскольниками. Я пріѣхалъ 1 марта, а 5-го марта они составили приговоръ о переселеніи отсюда въ другое мѣсто. Впрочемъ, когда я пожилъ нѣкоторое время на Усу, то волненіе между раскольниками утихло. Здѣсь занятія мои въ этомъ году, естественно, распались на четыре отрасли. Именно: собираніе свѣдѣній о раскольникахъ, знакомство съ сойотами, образованіе прихода изъ православныхъ и устройство церкви.

О раскольникахъ. Всѣ здѣшніе раскольники принадлежатъ къ безпоповщинской сектѣ и къ согласію странниковъ. Главныя основанія ихъ ученія состоятъ въ слѣдующемъ: а) бѣжать изъ общества; б) истребить свои паспорта и в) креститься новымъ крещеніемъ, перемѣнивъ имена.

Всѣхъ здѣшнихъ раскольниковъ можно раздѣлить на три разряда: монастырскихъ (40 семействъ), пришедшихъ вслѣдъ за ними (60 семействъ) и переселившихся изъ Минусинскаго округа 30 семействъ. Монастырскіе составляютъ ядро здѣшняго раскола; они приведены сюда въ началѣ 60-хъ годовъ

извѣстнымъ здѣсь расколу учителемъ Иваномъ Афанасьевичемъ, сосланнымъ потомъ за убійства въ каторжную работу. Монастырскіе состоятъ большею частью изъ бродягъ; между ними распространены весьма дикія ученія: а) развратъ необходимъ, б) убить еретика не грѣхъ, в) украсть у него то же не грѣхъ, г) донести правительству о чемъ нибудь большой грѣхъ. Въ числѣ раскольниковъ, пришедшихъ вслѣдъ за монастырскими, есть много истинно преданныхъ своему ученію. Третій разрядъ состоитъ изъ совратившихся въ расколъ въ недавнее время.

Всѣ эти раскольники раздѣляются на батюшкино и федоровское согласіе. Главное различіе между ними состоитъ въ томъ, что федоровское согласіе отвергаетъ правила, которыя оставлены раскольникамъ Иваномъ Афанасьевичемъ. Монастырскіе считаютъ себя истинными иноками.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о ихъ бытѣ и духовной жизни.

Книги у нихъ—Иосифовскаго и Филаретовскаго изданій съ прибавленіемъ разныхъ рукописныхъ цвѣтниковъ и проч.

Богослуженіе совершается неопустительно каждый праздникъ. У батюшкина согласія имѣется особый молитвенный домъ, а у федоровскаго богослуженіе совершается въ частномъ домѣ.

Крещеніе совершается безъ миропомазанія.

Погрѣбеніе совершается по обыкновенному старообрядческому чину.

Покаяніе принимаютъ особыя наставники, при чемъ разрѣшеніе даютъ просто словами: „Богъ проститъ, милушка!“

Причащеніе у батюшкина согласія состоитъ изъ запасныхъ даровъ, а у федоровскаго совсѣмъ нѣтъ видимаго причастія.

Браки допускаются, на разводъ всегда свободенъ.

Пропаганда раскола съ Уса, какъ изъ центра, свободно разливается по всему Минусинскому округу. Для совращенія здѣшніе раскольники путешествуютъ подъ видомъ красильщиковъ. Официальнымъ путемъ извѣстно 225 случаевъ совращенія, но въ дѣйствительности ихъ гораздо больше.

Образованіе раскольниковъ ограничивается чтеніемъ церковной печати и письма уставомъ. Больше они ничего не хотятъ знать.

Что же касается до того, какими ередствами можно ихъ убѣдить въ томъ, что они заблуждаются въ своихъ вѣрованіяхъ, то я путемъ опыта и изученія дошелъ до слѣдующихъ заключеній.

1. Словесныя состязанія съ раскольниками могутъ пове-
сти только къ большому ожесточенію, ибо они очень горды и
самолюбивы и все относятъ къ прелести антихриста.

2. Въ письменныя бесѣды можно съ ними вступать при
случаѣ и осторожно.

3. Въ частыхъ бесѣдахъ можно, только съ осторожно-
стью, проводить идеи православія, не оспаривая ихъ заблуж-
деній, а возбуждая только сомнѣніе въ истинѣ ихъ ученія.

4. Самое большое усиліе должно быть употреблено на
бесѣды съ православными. Эти бесѣды должны знакомить ихъ
съ ученіемъ православной вѣры и съ главными заблуждені-
ми раскола. Я одинъ, какъ бы ни убѣждалъ раскольниковъ,
всегда буду имѣть слабое вліяніе на нихъ, но если я буду
имѣть помощниками себѣ въ томъ крестьянъ, съ которыми
раскольники охотно входятъ въ состязанія, то дѣло будетъ
другое. Для этого я предполагалъ въ праздничные и воскре-
сные дни бесѣдовать съ православными о заблужденіяхъ рас-
кола, о житіи святыхъ, о событіяхъ изъ церковной и священ-
ной исторіи и т. п.

5. Обратитъ вниманіе на религиозное воспитаніе дѣтей.

6. Озаботиться скорѣйшимъ устройствомъ здѣсь молит-
веннаго дома, или еще лучше—церкви.

О сойотахъ. Сойоты (по монгольски—урянкаи) китайскіе
подданные, живущіе къ югу отъ Усинскаго края, но много
ихъ находится и въ русскихъ владѣніяхъ. Вѣра ихъ—шаман-
ская, но нынѣ среди нихъ сильно распространяется ламаизмъ,
чему много способствуетъ китайское начальство. Сойоты очень
склонны къ принятію христіанской вѣры, но съ условіемъ не-
рести при томъ въ русское подданство, ибо они очень боятъ-
ся своихъ начальниковъ. Въ отношеніи сойотъ я полагалъ бы ог-
раничиться слѣдующимъ: изученіемъ ихъ языка, привлечені-
емъ ихъ къ себѣ, помогая имъ въ дѣлахъ, и ознакомленіемъ
ихъ съ истинами христіанской религіи, о которой они даже и
не слышали. Для большого успѣха къ достиженію этого пред-
полагаю нынѣ же взять къ себѣ двухъ сойотскихъ мальчи-
ковъ на воспитаніе, которые на первое время могли бы слу-
жить мнѣ переводчиками, а впослѣдствіи и проводниками пра-
вославія и русской цивилизаціи среди этихъ кочевниковъ.
Постройка здѣсь церкви послужитъ еще къ большому озна-
комленію сойотъ съ христіанствомъ.

Образованіе православнаго прихода. Приѣхавъ на Усь,
я нашелъ тамъ православныхъ въ большомъ угнетеніи. Въ
дер. Верхне-Усинской оставалось только 4 семейства, да и тѣ

собирались выѣхать. Остальные православные жили на урочищѣ Семіозерки и на Устьѣ—Уса. Я всѣми силами старался о защитѣ православныхъ отъ нападковъ раскольниковъ, но мало успѣвалъ, ибо православные не были еще приписаны сюда, а потому я просилъ старовѣровъ принять ихъ въ свое общество по владѣнію землями, но старовѣры рѣшительно отказали мнѣ въ томъ. Такое упорство раскольниковъ побудило православныхъ просить образовать на р. Усу особое сельское общество подъ названіемъ *села Никольскаго*. Въ день Рождества Христова, 25 декабря, 1876 года они составили приговоръ, которымъ просили меня ходатайствовать за нихъ о селѣ. Я съ удовольствіемъ принялъ эту просьбу, потому что въ этомъ обществѣ православныхъ будутъ имѣть опору и тѣ изъ соврашившихся раскольниковъ, которые потомъ раскаялись и желаютъ обратиться къ православію. Въ настоящее время имъ нельзя объ этомъ и думать.

24 декабря здѣшніе православные обратились ко мнѣ съ просьбою прочитатъ имъ въ Рождество Спасителя нашего утреню и часы и приличныя празднику молитвы. Я имѣлъ только слѣдованную псалтирь, и потому могъ читать лишь по ней. Здѣшніе православные въ первый разъ нынѣшній праздникъ молились вмѣстѣ. Нельзя было безъ умиленія видѣть, съ какимъ усердіемъ и даже слезами молились женщины; нѣкоторыя изъ нихъ уже десять лѣтъ не слышали чтенія псалмовъ и церковныхъ пѣснопѣній.

О постройкѣ молитвеннаго дома, или церкви, и школы.

Усинскіе жители избрали сборщикомъ крестьянина Семена Горбунова, каковой приговоръ я представилъ мѣстному благочинному. Постройка школы была главнѣйшей моею заботою, такъ какъ безъ этого не могло итти правильно ученіе и негдѣ было бесѣдовать съ православными и молиться съ ними. Сверхъ того, я не имѣлъ квартиры, а раскольники просили съ меня за квартиру такую цѣну, которую я не могъ платить; у православныхъ же у самихъ были маленькія избенки. Я поневолѣ должеѣ былъ со своей семьей помѣститься въ одной избѣ съ раскольникомъ—поповцемъ, но и этому я былъ радъ. Чтобы испытать, будутъ ли жители отдавать своихъ дѣтей ко мнѣ въ ученіе, я въ своей квартирѣ открылъ школу, въ которую поступилъ одинъ ипородческій мальчикъ, двѣ дѣвочки раскольницы и одинъ православный. Особенно хорошо учился ипородческій мальчикъ. Къ концу года еще нашлись желающіе отдать своихъ дѣтей въ училище, но мнѣ некуда было ихъ помѣстить.

Въ началѣ января 1877 года православные жители Усинскаго края составили приговоръ, которымъ уполномочивали меня ходатайствовать объ устройствѣ у нихъ школы, для чего отводили 15 десятинъ земли.

Въ началѣ же года я отправился въ Минусинскій округъ для ходатайства по разнымъ дѣламъ, относящимся до устройства миссіи. Тамъ я нашелъ много желающихъ переселиться въ Усинскій край; они подписали приговора, данные мнѣ Усинскими жителями. Эти приговора я представилъ для засвидѣтельствованія въ Шушенское волостное правленіи, которое возвратило ихъ только черезъ годъ, ибо Минусинскій исправникъ сначала отослалъ ихъ Усинскимъ старщинамъ—раскольникамъ. Это много повредило моей миссіи, такъ какъ раскольники вообразили, что все дѣло зависитъ отъ нихъ. Исполнивъ все, что было нужно, я въ мартѣ снова отправился на Усь, гдѣ нашелъ большую перемѣну. Когда раскольничьи вожди увидѣли, что православные переселяются въ Усинскій край и что постройка церкви и школы дѣло уже рѣшенное, то вознегодовали на меня. Много лѣтъ они были самовластными распорядителями въ здѣшнемъ краѣ и, понятное дѣло, имъ трудно было лишиться власти, ибо при постороннихъ людяхъ они не могли дѣлать того, что дѣлали одни. Произволь доводилъ ихъ иногда до преступленій; самовластію своему они не имѣли предѣла. И все это теперь должно было кончиться для нихъ!

На Усу я заготовилъ лѣсъ для постройкы училища и сдалъ подрядъ на распиловку. Здѣсь я прожилъ мѣсяца два, устраивалъ здѣшнія дѣла и бесѣдовалъ съ православными, для которыхъ, кромѣ того, каждое воскресенье читалъ утреню и часы. На Усу обычно было много младенцевъ, оставшихся некрещеными по нѣскольку лѣтъ; нѣкоторые даже крестили своихъ дѣтей въ раскольничьей молебнѣ. Точно также и другія требы не исполнялись здѣсь за отсутствіемъ священника, что нерѣдко удерживало православныхъ отъ переселенія на Усь. Нынѣ это устранено посылкой туда ежегодно священника.

Такъ какъ съ Уса прямо черезъ горы нельзя было проѣхать, то я направился въ китайскія владѣнія въ одно русское торговое заведеніе, гдѣ рѣшилъ ожидать благоприятнаго случая для возвращенія въ Минусинскій округъ. Къ этому меня побуждало еще и то обстоятельство, что здѣсь я могъ ближе ознакомиться съ сойтами. Мои надежды оправдались. Многие сойтскіе начальники заявили мнѣ о своемъ желаніи отдать дѣтей въ Усинскую школу; передъ отъѣздомъ я уз-

наль, что даже самъ амбу-нойонъ (владѣтельный князь и губернаторъ) желалъ отдать своего сына учиться по-русски. Это имѣло бы большое вліяніе на сойотъ. — Только въ концѣ іюня я дождался попутчика, съ которымъ и поплылъ по Енисею въ Минусинскій округъ, куда, къ счастью, я пріѣхалъ какъ разъ къ тому времени, когда прибылъ сюда и преосвященнѣйшій владыка Антоній, который лично разрѣшилъ мои недоумѣнія и сдѣлалъ наставленія, какъ дѣйствовать на будущее время.

Въ это же время я получилъ: планъ на постройку училища, одобреніе моихъ дѣйствій относительно убѣжденія раскольниковъ и книжку на сборъ добровольныхъ пожертвованій. Послѣ того я остался въ Минусинскомъ округѣ для того, чтобы вырѣшить всѣ вопросы, относящіеся до миссіи, и заготовить всѣ матеріалы и рабочихъ, нужные для постройки училища. Въ январѣ предполагаю отправиться на Усь вмѣстѣ со священникомъ, посылаемымъ туда для исправленія требъ. И тотчасъ же приступлю къ постройкѣ училища.

Въ настоящее время дѣло это находится въ слѣдующемъ положеніи.

Относительно раскольниковъ. Собраны подробныя свѣдѣнія объ ихъ вѣрованіяхъ и опредѣлена система, которой нужно слѣдовать при моихъ сношеніяхъ съ ними. Съ постройкой церкви и школы и переселеніемъ сюда православныхъ успѣхъ будетъ несомнѣнный. И теперь многіе изъ раскольниковъ колеблются, но имъ теперь не къ кому пристать и, вслѣдствіе этого, они боятся богатыхъ и вліятельныхъ главарей, которые здѣсь всемогущи.

Относительно сойотовъ. Я не успѣлъ еще взять къ себѣ въ нынѣшній годъ сойотскихъ дѣтей на воспитаніе, такъ какъ былъ въ отлучкѣ съ Уса, но по возвращеніи тотчасъ же примусь за это дѣло. Правда, средствъ для этого нѣтъ никакихъ, но ужъ какънибудь двухъ сиротъ смогу и я содержать у себя, а можетъ быть, ктонибудь еще придетъ на помощь этому доброму дѣлу. Христіанское воспитаніе сойотскихъ дѣтей и употребленіе ихъ впослѣдствіи въ дѣлѣ проповѣди, по моему мнѣнію, есть главное дѣло для успѣха обращенія сойотъ въ христіанство.

О православномъ приходѣ. Дѣло о переселеніи крестьянъ въ Усинскій край и образованіи села Никольскаго находится въ Енисейской казенной палатѣ и, хотя я здѣсь встрѣчаю много препятствій, но съ Божіею помощію надѣюсь побороть ихъ.

Постройка школы. Планъ училища утвержденъ и разрѣшена постройка его. Заготовленъ уже дѣсь и пила, но денежныхъ средствъ для этого нѣтъ почти никакихъ, ибо сборъ по книжкѣ до сего времени далъ только 29 рублей. Дѣло въ томъ, что въ настоящую тяжкую годину и здѣшнія пожертвованія обращены въ другую сторону, именно: на больныхъ и раненыхъ воиновъ, но съ помощью Божіей надѣюсь и это дѣло, хотя не скоро, но все же привести къ окончанію, ибо считаю его важнѣйшимъ дѣломъ для обращенія раскольниковъ въ православіе, ученіе которыхъ основано на самомъ грубомъ невѣжествѣ. Эта же школа будетъ служить проводникомъ христіанскаго просвѣщенія среди сойотъ и монголъ. Школу я ставлю въ неразрывную связь съ церковью, потому что они должны помогать другъ другу и служить для распространенія христіанскаго просвѣщенія въ странѣ.

Постройка церкви. Къ постройкѣ церкви еще не приступлено, ибо нѣтъ никакихъ средствъ для того. Однако уже мнѣ предписано избрать мѣсто подъ церковь и приступлено къ сбору пожертвованій. Пока же, до постройки церкви, зало училища вполне можетъ служить молитвеннымъ домомъ для отправленія въ праздничные дни утрени, часовъ и проч. Вся остановка дѣла за недостаткомъ денежныхъ средствъ, но Богъ не безъ милости и я твердо увѣренъ, что Онъ не оставитъ этого святого дѣла безъ своей помощи.

Итакъ, вотъ чего я достигъ въ томъ дѣлѣ, на которое удостоился получить благословеніе вашего высокопреосвященства. Въ то же время я старался изучить расколъ во всѣхъ отношеніяхъ, при чемъ изучалъ: Законъ Божій, церковный уставъ и церковную исторію, изъ которыхъ я до сего времени весьма мало зналъ. Конечно, во всемъ этомъ, по краткости времени и за хлопотами по устройству миссіи, я не могъ много успѣть, но буду трудиться и, надѣюсь, Богъ не оставитъ моихъ трудовъ.

Для библиотеки будущаго училища комитетъ грамотности выслалъ 350 книгъ; мѣстный миссіонерскій комитетъ выслалъ до 40 книгъ, относящихся главнымъ образомъ къ расколу и до 50 книгъ пожертвовали частныя лица. Къ несчастью, нѣтъ у насъ никакихъ богослужебныхъ книгъ, кромѣ слѣдованной псалтири, купленной на мой счетъ. Эти книги очень бы цужбы, но нѣтъ средствъ для приобрѣтенія ихъ.

Повергая настоящій отчетъ на благоусмотрѣніе вашего высокопреосвященства, я умоляю обратить свое архипастырское вниманіе на него и простить мнѣ, если въ моихъ дѣй-

ствіяхъ найдется что либо ошибочнаго. Это можетъ происходить отъ того, что я еще новичекъ въ духовномъ дѣлѣ, но смѣю увѣрить ваше высокопреосвященство, что я тружусь и буду трудиться по мѣрѣ моихъ силъ для этого дѣла и надѣюсь, что Богъ не оставитъ его безъ своей всемогущей помощи“.

Н. Путиловъ.

„Писарекія“ мелочи.

Первый Енисейскій губернаторъ Степановъ, объѣхавъ въ 1823-году губернію, замѣтилъ, что почти всѣ волостные писаря получаютъ огромное по тому времени жалованіе—по 1000 и болѣе рублей. Губернаторъ, находя явленіе ненормальнымъ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы волостнымъ писарямъ сельскими обществами платилось не болѣе 750 руб. Мотивируя свое распоряженіе, губернаторъ писалъ: „чѣмъ домогательство писаря на жалованіе умѣреннѣе, тѣмъ у него менѣе самонадѣянности на свои способности, тѣмъ онъ простѣе и черезъ то общество спокойнѣе“.

* * *

Въ 1824 году Минусинскій округъ дѣлился на четыре волости: Абаканскую, Курагинскую, Шушенскую и Новоселовскую. Въ Новоселовской писаремъ состоялъ нѣкій Банковъ. Въ то же время Енисейскимъ губернскимъ правленіемъ розыскивался поселенецъ Андреевъ. Несмотря на массу предписаній, поиски были безрезультатными.

Помогъ дѣлу случай.

Въ сентябрѣ 1824 г. пріѣхалъ въ с. Новоселово Минусинскій земскій исправникъ; разговарившись съ крестьянами, онъ узналъ, что Андреевъ и Банковъ—одно лицо. Исправникъ произвелъ ревизію дѣлъ волостного правленія и въ донесеніи объ этой ревизіи писалъ Минусинскому земскому суду: Банковъ, онъ же Андреевъ, „исправляетъ дѣла съ чрезвычайнымъ упущеніемъ и ежедневно обращается въ пьянство... Найдены у него истребленными и брошенными за ящики бумаги, а также сокрыты имъ предписанія земскаго суда о высылкѣ его въ судъ“. При донесеніи исправникъ представилъ суду и Андреева.

И. Анкарскій.

Полковник Славянов...
русского языка...
первой...
русского языка...

„СИБИРСКИЙ КАРАМЗИНЪ“.

(Петръ Андр. Слоцова*).

Степень культурности страны или общества лучше всего познается отношеніемъ ихъ къ памяти своихъ усоншихъ дѣятелей въ области литературы и просвѣщенія. Это, всѣмъ извѣстное, положеніе давно уже стало трюизмомъ,—такъ же, какъ и то, что у насъ въ Россіи (и въ Сибири, какъ составной части Россіи,—въ частности) не умѣютъ чтить памяти писателей, которые, по своимъ скромнымъ литературнымъ заслугамъ, не могутъ претендовать на безсмертіе. Не въ примѣръ Западу, гдѣ память второстепенныхъ дѣятелей литературы оберегается такъ же тщательно, какъ и писателей, сопричисленныхъ къ понтеону,—у насъ имена такихъ писателей, обычно, предаются обидному и не всегда заслуженному забвенію....

Еще около 150 лѣтъ тому назадъ извѣстный Н. И. Новиковъ, первый собиратель именъ русскихъ литературныхъ дѣятелей, въ предисловіи къ своему „Опыту историческаго словаря о російскихъ писателяхъ“ отмѣчалъ, что „всѣ европейскіе народы прилагали стараніе о сохраненіи памяти своихъ писателей, и безъ того погибли бы имена всѣхъ, въ писаніи прославившихся, мужей,“ и что лишь „одна Россія посіе время не имѣла такой книги, и можетъ быть, сіе самое было погубелью многихъ нашихъ писателей, о которыхъ никакого нынѣ не имѣемъ мы свѣдѣнія“... Съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова, прошло много времени, но они не утратили своего первоначальнаго значенія и до сихъ поръ...

*) Рефератъ, прочтенной авторомъ въ прк. об-вѣ изученія Сибири лѣтомъ 1913 года. Матеріаломъ для него послужили наши статьи въ газетахъ: «Сибирь» 1913 г. № 75 (подъ заглав. «Сибирскій Карамзинъ») и «Сиб. Жизнь» отъ 28 марта того же года (подъ загл. «Историкъ Сибири»). Здѣсь печатается въ значительно исправленномъ и дополненномъ видѣ.

К. Д.

Послѣ „Словаря“ Новикова появлялось безчисленное множество книгъ о русскихъ писателяхъ, но подавляющее большинство такихъ книгъ посвящалось,—и продолжаетъ посвящаться,—писателямъ первой величины, о болѣе же скромныхъ работникахъ пера и науки рѣдко кто считалъ пужнымъ напоминать ихъ соотечественникамъ.

А между тѣмъ,—напоминать о такихъ позабытыхъ труженикахъ слова не только не лишне, но и необходимо, для того, чтобы, по образному выраженію М. Горькаго (рассказъ „Кладбище“), „ничто, достойное вниманія, не исчезло изъ памяти людей“...

Въ длинномъ ряду именъ забытыхъ русскихъ писателей болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго совсѣмъ затерялось теперь скромное имя *Петра Андреевича Словоцова*, сибирскаго историка и публициста первой половины XIX вѣка.

Предлагаемымъ вниманію читателя очеркомъ мы хотѣли бы спасти отъ обиднаго и незаслуженнаго забвенія память этого почтеннаго литературнаго дѣятеля старой Сибири, „Сибирскаго Карамзина“, какъ называетъ Словоцова одинъ изъ позднѣйшихъ писателей—сибиряковъ.

Популярный въ свое время, а теперь совершенно забытый П. А. Словоцовъ заслуживаетъ благодарной памяти потомства, и въ особенности—читателей-сибиряковъ уже по одному тому, что его капитальнѣйшій трудъ: „*Историческое обозрѣніе Сибири*“, появившійся впервые болѣе 75-ти лѣтъ тому назадъ и охватывающій собою исторію этой страны съ момента ея покоренія до конца первой четверти XIX вѣка,—является и до сихъ поръ *единственнымъ* въ своемъ родѣ...

* * *

Петръ Андреевичъ Словоцовъ происходилъ изъ духовной среды. Отецъ его служилъ священникомъ на одномъ изъ уральскихъ заводовъ, въ Пермской губ., *) гдѣ и родился будущій историкъ въ 1767 году. На двѣнадцатомъ году П. А. былъ привезенъ въ Тобольскъ и отданъ на воспитаніе въ мѣстную духовную семинарію, по окончаніи которой былъ отправленъ въ петербургскую главную семинарію (нынѣ духовная академія).

Алексадро-Невская главная семинарія, гдѣ обучался Словоцовъ, не смотря на обычную рутину и схоластику, господствовавшія въ постановкѣ дѣла преподаванія въ ней,—въ то время, все же, не чужда была и новыхъ вѣяній. При слу-

*) Въ Нижне-Уселянскомъ заводѣ, Верхотурскаго уѣз., Пермской губ.

чаѣ воспитанники ея съ жадностью знакомилсь съ запретными для нихъ книгами и съ новыми по тому времени выводами науки, способствовавшими усвоенію ими раціоналистическаго взгляда на предметы и явленія окружающей жизни. Не забудемъ, что годы пребыванія Словцова въ главной семинаріи совпали съ извѣстными событіями во Франціи конца XVIII стол., отголоски которыхъ не могли не проникать и за глухія стѣны высшаго духовно-учебнаго заведенія...

— А вѣдь этимъ душкомъ (раціонализмъ и вольномысліе) прежде пахло и отъ меня,—говариваль по этому поводу Словцовъ въ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ стоялъ въ сторонѣ отъ всякой педагогической и общественной дѣятельности.

Въ числѣ студентовъ семинаріи находился въ то время, между прочимъ, прославившійся позднѣе М. М. Сперанскій, съ которымъ Словцовъ сошелся очень близко и поддерживалъ дружескую переписку до конца жизни Сперанскаго.

Успѣшно окончивъ курсъ въ главной семинаріи, Словцовъ не пожелалъ вступить на церковное поприще и избралъ для себя педагогическую дѣятельность. Назначенный преподавателемъ философіи и краснорѣчія въ тобольскую духовную семинарію, П. А., обладавшій блестящими ораторскими способностями и огромною эрудиціей, вскорѣ же имѣлъ возможность выдвинуться, какъ лучший преподаватель и прекрасный проповѣдникъ.

Проповѣди Словцова, по свидѣтельству его современниковъ производили сильное впечатленіе на слушателей, и когда онъ произносилъ ихъ, въ храмъ являлось много желающихъ послушать любимаго проповѣдника.

Въ качествѣ послѣдняго, выступая на амвоиѣ, П. А. не ограничивался узкими рамками церковной проповѣди и позволялъ себѣ выходить далеко за предѣлы этихъ рамокъ.

За одну изъ такихъ проповѣдей, произнесенную 6 августа 1793 года, ему пришлось сурово поплатиться.

Характеръ нѣкоторыхъ проповѣдей Словцова уже и ранѣе вызывалъ рѣзкое неодобреніе со стороны начальства молодого проповѣдника. Такъ, на конспектъ его, повидимому—первой проповѣди, по случаю дня рожденія императрицы Екатерины II, представленномъ имъ на цензурный просмотръ духовному начальству, была сдѣлана слѣдующая резолюція:

„Христіанинъ! Не теряй на чтеніе сихъ поученій ни времени, ни труда. Кромѣ пустого мудрствованія, кромѣ двусмыслія и явнаго противленія ученію вѣры, не найдешь здѣсь ни-

чего? На той же проповѣди сбоку была сдѣлана помѣтка: „первое слово—п первая ересь“, а въ концѣ написано: „богато одними пустословіями и глупостями“.

Суровый пріемъ, оказанный его проповѣдническимъ стремленіямъ со стороны начальства, однако, не охладилъ пылкого и талантливаго проповѣдника.

При произнесеніи упомянутой выше проповѣди, повлекшей за собою для него печальную катастрофу, молодой ораторъ, въ добавленіе къ рукописному тексту, просмотрѣнному и одобренному духовнымъ начальствомъ, вставилъ рядъ непозволительныхъ по тому времени рѣзкостей по поводу испорченности нравовъ современнаго общества вообще и недостатковъ властей придержащихъ въ частности (проповѣдь эта была приурочена къ торжеству бракосочетанія цесаревича Александра Павловича). Изъ дошедшаго до насъ текста этой проповѣди*) видно, что въ ней проповѣдникъ говорилъ, между проч., „объ ошибкахъ монарховъ“, о „народной тишинѣ, представляющей молчаніе принужденное“, о суетномъ честолюбіи власть имущихъ, причемъ ораторъ высказываетъ рѣзко отрицательный взглядъ на награжденіе знаками отличія и т. п.

Говорить такъ публично, да еще съ церковной кафедры было бы и для нашего времени неслыханною дерзостью, — легко представить, какой это былъ актъ смѣлости со стороны Словцова въ то время! Необходимо помнить, что то былъ самый реакціонный періодъ царствованія Екатерины II, періодъ ссылки Радищева и Новикова, гоненія на масоновъ и другихъ подобныхъ экспериментовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, тобольская администрація была всполошена проповѣдью Словцова. Въ тотъ же день въ квартирѣ проповѣдника былъ произведенъ обыскъ, причемъ забраны различныя бумаги, а о самомъ Словцовѣ сдѣлано экстренное донесеніе въ Петербургъ.

Оттуда не замедлилъ получиться соотвѣтствующій отвѣтъ, — и, спустя два мѣсяца, прискакавшій изъ Петербурга фельдъегерь, заставъ Словцова въ гостяхъ у мѣстнаго архіепископа Варлаама, арестовалъ его и немедленно увезъ въ Петербургъ. Путь до Петербурга на лошадахъ продолжался въ то время болѣе трехъ недѣль, причемъ за все это время Словцову не было позволено выйти изъ экипажа ни въ одномъ

*) Проповѣди Словцова позднѣе были напечатаны въ «Чтен. об.—ва истор. и древн. Россіи».

изъ попутныхъ городовъ. Даже пищу давали ему черезъ опущенное окно экипажа. Въ Петербургъ Словоцовъ былъ доставленъ больнымъ физически и потрясеннымъ нравственно.

По прїѣздѣ въ столицу, онъ былъ подвергнутъ допросу. Сначала допрашивалъ Словоцова митрополитъ Гавріилъ, затѣмъ генераль-прокуроръ, и наконецъ—извѣстный слѣдователь по секретнымъ дѣламъ—Шешковскій. Последний далъ по поводу проповѣди Словоцова заключеніе въ томъ смыслѣ, что „сія рѣчь не похожа отнюдь на проповѣдь учившагося въ семинаріи челоуѣка, т. е. ни правилъ, ни связи той нѣтъ; впрочемъ—она дерзкая и развратительная“...

Любопытно, что на слѣдствіи Словоцову были поставлены въ вину не только его проповѣдь, но и рѣзкія выраженія по адресу... Александра Македонскаго!... Дѣло въ томъ, что при обыскѣ у Словоцова, въ числѣ другихъ бумагъ, найденъ былъ исписанный его рукою черновой листъ, гдѣ слѣдователи усмотрѣли такія „смѣлыя и дерзкія“ слова по адресу Македонскаго властителя: „монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошеніе по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ... мнимый Великій Александръ“.

Напрасно Словоцовъ доказывалъ на слѣдствіи, что иницируемыя ему мѣста рукописи цѣликомъ списаны имъ у Квинта Курція, и что рукопись приготовлялась имъ для класснаго сочиненія. Слѣдователь усмотрѣлъ въ приведенныхъ выше строкахъ одно изъ проявленій вреднаго образа мыслей Словоцова и тутъ же, на слѣдствіи, сдѣлалъ ему строгое внушеніе въ томъ смыслѣ, что „напрасно онъ такими мыслями, гдѣ дѣлается монарху пониженіе, учениковъ своихъ отягощаетъ“...

Въ результатѣ разслѣдованія, Словоцовъ былъ подвергнутъ заточенію въ Валаамовъ монастырь, что на Ладожкомъ озерѣ.

Въ дошедшихъ до насъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Словоцовѣ не сохранилось точныхъ указаній относительно того, сколько времени пришлось ему пребыть въ монастырскомъ заточеніи. Извѣстно лишь, что изъ заточенія ему удалось освободиться, благодаря заступничеству со стороны расположеннаго къ П. А. петербургскаго митрополита Гавріила, брата арх. Варлаама тобольскаго.

По ходатайству митрополита, Словоцову разрѣшено было явиться въ Петербургъ для объясненій. Здѣсь, благодаря присутствующему ему краснорѣчію, П. А.—чу удалось оправдать себя въ глазахъ высокопоставленныхъ лицъ въ возведенныхъ на

него обвиненіяхъ. Послѣ этого онъ былъ назначенъ преподавателемъ элоквенцій въ главную Александро—Невскую семинарію, гдѣ въ это время состоялъ преподавателемъ также и другъ Словцова—М. М. Сперанскій.

Находясь на службѣ въ главной семинаріи, Словцовъ все еще считался свѣтскою властью состоящимъ подъ особымъ присмотромъ митрополита Гавріила,—и только въ 1797 году онъ былъ освобожденъ отъ этого присмотра и переведенъ на гражданскую службу, въ канцелярію генераль—прокурора.

Здѣсь онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ, при чемъ служба протекала для него очень хорошо, но въ 1807 году съ нимъ случилась новая неприятность: на него пало подозрѣніе въ лихоимствѣ, причемъ по этому дѣлу одно время находился даже подъ арестомъ. Біографъ Словцова объясняетъ возникновеніе этого дѣла клеветою завистниковъ, такъ какъ просвѣщенный образъ мыслей Словцова и всѣ факты его біографіи, а также отзывы о немъ Сперанскаго и другихъ говорятъ за то, что онъ не могъ совершить приписываемаго ему проступка.

Впрочемъ, подозрѣніе не подтвердилось и послѣ формально произведеннаго разслѣдованія, которое не дало никакихъ результатовъ для обвиненія Словцова въ лихоимствѣ, онъ былъ освобожденъ отъ отвѣтственности по этому дѣлу.

Послѣ этого, въ началѣ 1808 года, Словцовъ покидаетъ Петербургъ и уѣзжаетъ на службу въ слѣвавшійся для него роднымъ гор. Тобольскъ. Здѣсь онъ опредѣляется на должность чиновника канцеляріи сибирскаго генераль—губернатора.

Въ концѣ того же года генераль—губернаторъ Пестель, отправляясь въ Петербургъ, послалъ Словцова впереди себя со своею путевою канцеляріей. Но, доѣхавъ до Твери, Пестель получилъ предписаніе изъ Петербурга о воспрещеніи Словцову вѣзда въ столицу. П. А.—чу пришлось возвратиться въ Тобольскъ.

Въ 1814 году Словцовъ былъ командированъ для обревизованія нѣкоторыхъ уѣздовъ Иркутской губ. и Забайкалья. Въ слѣдующемъ году онъ ревизуетъ Кирепскій и Якутскій округа. Затѣмъ П. А., по его собственному желанію, назначается *совѣстнымъ судьей**) въ гор. Иркутскъ (такая должность

*) Совѣтний судъ, учрежденный Екатериной II и уничтоженный во время судебной реформы имп. Александра II, вѣдалъ дѣлами, требовавшими менѣе формальнаго и болѣе важнаго отношенія къ преступнику, по характеру его дѣянія.

существовала при дореформенномъ судѣ), а черезъ нѣсколько времени мы видимъ его уже въ должности директора народныхъ училищъ Иркутской губ. Въ этой послѣдней должности П. А. много потрудился въ смыслѣ насажденія въ губерніи почти не существовавшихъ здѣсь до того времени сельскихъ начальныхъ школъ. При немъ было открыто въ Иркутской губ. шестнадцать такихъ школъ, — число по тому времени значительное. Должность директора народныхъ училищъ въ то время совмѣщалась съ должностью директора мѣстной мужской гимназіи, которую одновременно занималъ и Словоцовъ, слѣвавшій очень многое для поднятія постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіи на небывалую въ ней до него высоту.

Усиленные труды и заботы, погесенные П. А. чѣмъ по роду его служебныхъ занятій, не могли не отразиться на общемъ состояніи его организма. Дружески расположенный къ Словоцову графъ Сперанскій, назначенный въ 1819 году сибирскимъ генераль-губернаторомъ, встрѣтившись въ Иркутскѣ съ П. А. чѣмъ, писалъ о немъ своей дочери: „Словоцовъ, одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человекъ, — боленъ и старъ! Это — потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхиваетъ. Физическія силы его уже не тѣ“...

Въ другомъ своемъ письмѣ изъ Иркутска — къ А. А. Столыпину, отъ 19 ноября 1819 года, Сперанскій даетъ нижеслѣдующую характеристику П. А. Словоцову:

„Онъ сталъ еще лучше и умнѣе, нежели былъ. Уединеніе освѣжило его мысли и успокоило его душу до того, что, кажется, онъ ничего не желаетъ и готовится умереть спокойно. Въ свое время я буду о немъ сильно ходатайствовать, но, кажется, если бы предложили ему мѣсто канцлера, онъ не двинулся бы никуда отсюда... Такъ же бѣденъ, такой же студентъ, какъ и прежде, но еще менѣе желаетъ и менѣе заботится о житейскомъ. Впрочемъ, бѣдность его есть почти произвольная. Въ званіи совѣстнаго судьи и директора гимназіи онъ получаетъ 2000 ассигнац. и не понимаетъ, куда ему здѣсь дѣвать свое богатство. Вообще онъ здѣсь всѣми уважаемъ и въ истинномъ смыслѣ есть судья совѣстный. Гимназія его есть, можетъ быть, одна въ Россіи, которая идетъ весьма правильно и съ успѣхомъ“...

Несмотря на плохое здоровье, обычная работоспособность не покидала П. А., и онъ успѣшно справляется съ возложеннымъ на него порученіемъ произвести ревизію учебныхъ заведеній въ губерніяхъ: Тобольской, Томской, Казанской, Пермской и Вятской.

3 июня 1821 года была учреждена должность визитатора для постоянного осмотра училищъ въ сибирскихъ губерніяхъ, на которую, вѣроятно, по хлопотамъ М. М. Сперанскаго, и былъ назначенъ П. А. Словцовъ, проявившій въ этой должности изумительную дѣятельность. За шесть лѣтъ его визитаторства число учащихъ въ сибирскихъ губерніяхъ возросло съ 600 челов. до 2000.

Служа въ Сибири, Словцовъ неоднократно возбуждалъ ходатайство о разрѣшеніи ему выѣзда отсюда въ столицу, но въ Петербургѣ ходатайство это, несмотря на поддержку его генераль-губернаторомъ Капцевичемъ, замѣстившимъ гр. Сперанскаго, успѣха не имѣло. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя, по представленію ревизовавшихъ Западную Сибирь кв. Куракина и Безроднаго, Словцову было, наконецъ, разрѣшено въ 1828 году выѣхать изъ Сибири. Но къ этому времени преклонный возрастъ и болѣзнь уже настолько приковали П. А.—ча къ мѣсту, что онъ рѣшился не покидать Сибири. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку, будучи въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и награжденный орденомъ и пенсіей въ 3000 руб. асс., позволявшей ему безбѣдно провести остатокъ своей жизни.

Поселившись въ Тобольскѣ, П. А. провелъ здѣсь послѣднія тринадцать лѣтъ своей жизни, всецѣло отдавшись излюбленнымъ имъ литературнымъ занятіямъ и работая, главнымъ образомъ, надъ своимъ капитальнымъ историческимъ трудомъ.

Ученикъ и биографъ Словцова Н. А. Абрамовъ, лично знавшій его на протяжении многихъ лѣтъ, свидѣтельствуеетъ о немъ, что П. А. „былъ особенно честенъ, смѣлъ и врагъ притѣсненій и несправедливости, былъ строгъ въ образѣ жизни, чуждался всѣхъ свѣтскихъ удовольствій, ни одного дня не отдавалъ въ жертву праздности, даже ближнихъ знакомыхъ посѣщалъ лишь изрѣдка.“

Тотъ же Н. А. Абрамовъ сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности объ условіяхъ, при которыхъ протекала работа П. А. Словцова надъ его историческимъ трудомъ, которому онъ посвятилъ послѣднія тринадцать лѣтъ своей жизни.

„Не выгоды,—пишетъ Н. А. Абрамовъ,—но лишь одно безкорыстное чувство долга по отношенію къ отечеству и любви къ своей родинѣ побудили П. А. предпринять къ старости лѣтъ столь трудную работу. Какъ уроженецъ (?) Сибири, объѣхавшій ее отъ Урала до Камчатки и проживавшій въ ней много лѣтъ, онъ коротко зналъ многія частности

сей страны. Глубже и вѣриѣ другихъ могъ онъ проникнуть во многія обстоятельства и собрать свѣдѣнія для точнаго географическаго описанія ея. Надо было видѣть, семидесятилѣтняго автора, сидящаго, сторбившись, надъ горами книгъ и рукописей, нерѣдко ночью, при свѣтѣ огня. Надо было подивиться примѣру трудолюбія и терпѣнія. Весь свой умъ онъ примѣнилъ на воспоминанія родной страны и, по возможности, старался изобразить ея историческое обозрѣніе твердою рукою мастера, ибо исторія Сибири была потребностью его души.

Составленію этого труда П. А. посвятилъ чуть не половину своей жизни, занимаясь имъ съ молодыхъ лѣтъ до самой своей смерти.

По тому времени подобная работа была сопряжена съ большими трудностями, вслѣдствіе отсутствія систематизированныхъ архивовъ, беспорядочнаго содержанія и уничтоженія ихъ на мѣстахъ и скудости печатныхъ источниковъ. Проживая все время въ Сибири, гдѣ отсутствовали книгохранилища и архивы, онъ постоянно испытывалъ, при составленіи своего труда, нужду въ необходимыхъ пособіяхъ, что сильно тормазило ходъ его работы надъ этимъ трудомъ. „Получая книги изъ столицы для мелочныхъ иногда справокъ черезъ полгода и болѣе,—заявлялъ позднѣе самъ П. А.,—я нерѣдко винилъ себя за предпріятіе историческое“. Съ другой стороны, и собираніе необходимыхъ свѣдѣній на мѣстахъ, чѣмъ широко пользовался нашъ историкъ, было сопряжено также съ большими проволочками и затрудненіями.

Оффиціальное положеніе П. А., сначала—какъ чиновника генераль-губернатора, а затѣмъ—какъ виднаго чиновника учебнаго вѣдомства, до нѣкоторой степени облегчало Слозцову задачу собиранія матеріаловъ для его труда. И хотя онъ жалуется, что „не умѣлъ въ свое время поставить себя въ доступность къ архивнымъ дѣламъ“, но, тѣмъ не менѣе, у него въ трудѣ нерѣдко встрѣчаются такіа свѣдѣнія, которыя онъ могъ извлечь только изъ архивныхъ дѣлъ.

Недостатокъ оффиціальныхъ матеріаловъ П. А. восполнялъ личными изслѣдованіями, а также матеріалами, находившимся въ частныхъ рукахъ. За послѣдними ему приходилось иногда обращаться за много тысячъ верстъ, ожидая полученія отвѣта на свои запросы по нѣскольку мѣсяцевъ.

Въ сборникѣ газеты „Сибирь“ за 1876 г., гдѣ была напечатана біографія П. А. Слозцова, составленная его племянникомъ К. Голодниковымъ (сообщенными въ этой статьѣ дан-

ными мы пользовались при составленіи настоящаго очерка), помѣщены, между прочимъ, два письма Словцова къ протоіерееу П. В. Громову, служившему въ Петропавловскомъ портѣ на Камчаткѣ. Въ этихъ письмахъ П. А. просилъ о. Громова сообщить ему нѣкоторыя историческія данныя, относящіяся къ мѣстному краю. Любопытно, что каждое изъ этихъ писемъ, какъ видно изъ имѣющихся на нихъ датъ, находилось въ пути до Петропавловска въ продолженіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ. Ответныя письма Громова къ Словцову должны были, конечно, путешествовать столько же, если не больше. Изъ этого факта лучше всего видно, насколько медленно могла подвигаться впередъ работа П. А. по составленію его книги и какія вообще трудности приходилось ему преодолевать при собираніи для нея матеріаловъ. Поэтому не покажется нисколько странною приписка, сдѣланная Словцовымъ ко второму изъ его писемъ къ Громову, помѣченому 13-мъ декабря 1838 г. (первое письмо 10 декабря 1836 г.), въ которой Словцовъ успокаиваетъ своего корреспондента относительно судьбы посылаемыхъ послѣднимъ сообщеній, на случай, если бы П. А. умеръ, не успѣвъ использовать ихъ.

„Статьи ваши, — пишетъ Словцовъ, — не погибнуть, хотя бы я и скоро умеръ, потому что продолжать вторую книгу послѣ меня не откажется г. Калашниковъ, иркутянинъ, сочинитель извѣстной „Камчадалки“.

При жизни своей П. А. успѣлъ издать только первую книгу своего „Историческаго обзорѣнія Сибири“. Она была выпущена въ 1838 году въ Москвѣ, въ типографіи А. Семена, съ посвященіемъ памяти „достопамятнаго Ф. Г. Миллера, какъ писателя сибирской исторіи“, и эпиграфомъ изъ прор. Іереміи: „Въ тѣя дни не рекутъ къ тому: отцы ядоша кислая, а зубы дѣтямъ оскомнишася“. Эта книга охватывала собою событія сибирской исторіи съ 1585 по 1742 г. г.

Появленія въ свѣтъ второй книги своего труда П. А. не дождался. Онъ умеръ, подготавливая эту книгу къ печати и успѣвъ довести обнимаемая ею историческія событія только до 1823 года. Книга была издана въ Петербургѣ (типографія Карла Крайля) черезъ годъ послѣ смерти автора, въ 1844 г., инспекторомъ тобольской гимназіи Ив. Помаскинымъ, о чемъ на ней и имѣется отмѣтка. Въ началѣ второй книги „Обзорѣнія“ имѣется посвященіе памяти безсмертнаго имени гр. М. М. Сперанскаго, нѣкогда бывшаго сибирскаго генерал-губернатора. Умеръ Словцовъ въ концѣ марта 1843 года въ очень пре-

клонномъ возрастѣ—75 лѣтъ. Кромѣ литературныхъ трудовъ, послѣ него осталась весьма цѣнная библиотечка, поступившая, согласно завѣщанію покойнаго, въ собственность тобольской губернской гимназіи. Оставшіеся же послѣ смерти П. А. собранные имъ матеріалы по исторіи, географіи и статистикѣ Сибири были отосланы частью въ Петербургъ, въ распоряженіе писателя сибиряка Калашникова, частью же—въ Березовъ, смотрителю училищъ Абрамову. Минералогическій кабинетъ былъ, согласно волѣ П. А., пожертвованъ казанскому университету.

Переходя къ разсмотрѣнію собственно литературной дѣятельности П. А. Словцова, необходимо, прежде всего, отмѣтить, что дѣятельность эта была вообще довольно обширна и разнообразна, касаясь, главн. образ., различныхъ отраслей экономической, бытовой и научной жизни Сибири. До насъ дошелъ цѣлый рядъ его печатныхъ работъ, относящихся къ различнымъ періодамъ его жизни. Еще будучи воспитанникомъ семинаріи, 15-ти лѣтъ отъ роду, П. А. Словцовъ написалъ оду: „*Къ Сибири*“, которая была публично прочтена на торжествѣ открытія тобольскаго намѣстничества, въ 1782 году.

Приводимъ изъ нея нѣкоторыя строки:

Дщерь Азіи богато надѣлена!
По статнымъ и дороднымъ раменамъ
Бобровою порфирой облеченна,
Съ собольими хвостами по грудямъ!
Царевна, сребренный вѣнецъ носяща
И пестрой насыпью камней блестяща!
Славянь наперсница, ордь грозныхъ мать!
Сибирь,—тебя мнѣ любо вспоминать!

Позднѣе, проживая въ Петербургѣ, Словцовъ помѣщалъ свои стихотворенія въ журналъ: „Пантеонъ русской словесности“, издававшимся И. П. Мартыновымъ, товарищемъ П. А-ча по Александро-Невской главной семинаріи.

Позднѣе Словцовъ перешелъ отъ поэтическихъ опытовъ къ писанію статей по вопросамъ Сибирской жизни.

Въ первой четверти XIX вѣка Сибирь не имѣла своего печатнаго органа, и поэтому Словцову приходилось помѣщать свои труды на страницахъ тѣхъ немногихъ периодическихъ изданій изъ числа выходившихъ въ то время въ Европейской Россіи, которыя могли удѣлять у себя мѣсто освѣщенію вопросовъ сибирской жизни. Однимъ изъ такихъ печатныхъ органовъ были „Казанскія Извѣстія“.

На страницахъ этого журнала за 1816 годъ находимъ нижеслѣдующія статьи П. А. Словцова: „Изображеніе нашей торговли съ Китаемъ“ („Каз. Изв.“ 1816 г., №№ 68—69), „О состояніи поселенія за Яблоновымъ хребтомъ“ (ibidem, № 74), „О состояніи Нерчинскаго уѣзда“ (ib., №№ 75—76), „Топографическое описаніе Дарасунскихъ водъ“ (ib., № 82), „Выписка о числѣ братскихъ и тунгузскихъ родовъ въ Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ уѣздахъ“ (ib., № 84), „Объ Якутской области“ (ib., №№ 87—89), „Замѣчанія о рѣкѣ Ангарѣ“ (ib., № 10), „Общій взглядъ на Иркутскую губернію“ (ib., №№ 11—12) и др.

Позднѣе П. А. помѣщалъ свои труды на страницахъ „Сибирскаго Вѣстника“, издававшася въ Петербургѣ Спасскимъ съ 1818 по 1824 г. и удѣлявшаго много мѣста печатанію матеріаловъ по различнымъ отраслямъ сибиревѣдѣнія. Въ этомъ журналѣ (за 1821 годъ, часть 15) была напечатана большая статья Словцова „О забайкальскихъ достопамятностяхъ“. О томъ же П. А. помѣщаетъ другую статью въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“ (1821 г., ч. 2. № 5).

Кромѣ поименованныхъ изданій, сотрудничество П. А. Словцова распространилось также и на „Вѣстникъ Европы“ Карамзина (въ этомъ журналѣ за 1822 годъ, №№ 17—18, была напечатана статья П. А. „Вопросы г. Иркутска“), а также на извѣстный „Московский Телеграфъ“, издававшийся иркутяниномъ Н. А. Полевымъ. Въ этомъ послѣднемъ журналѣ, начиная съ перваго года его существованія, печатались интересныя „Письма о Сибири“ П. А. Словцова („Моск. Тел.“ за 1826—1829 г. г.), а позднѣе—отрывки изъ его же труда: „Прогулка вокругъ Тобольска въ 1830 году“ („Моск. Телегр.“, 1831 г., № 13.)

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ трудовъ П. А. Словцова были изданы и отдѣльными брошюрами. Такъ, въ Петербургѣ въ 1826 г. была издана его книжка: „Письма о Сибири“, а въ Москвѣ въ 1824 г.—книга „Прогулка вокругъ Тобольска“, не утратившая и до сихъ поръ, во многомъ, своего научнаго значенія.

Позднѣе, когда возникло въ Петербургѣ Императорское географическое общество и стали издаваться *Извѣстія* при немъ, на страницахъ этихъ *Извѣстій* печатались посмертные труды Словцова, напр. въ 1851 г. (ч. 1-я) напечатана статья Словцова „О Коряковскомъ соляномъ озерѣ“, а въ 1856 году (ч.

18, кн. 5)—его же статья: „Историческія записки о чукотскомъ народѣ“. Послѣ смерти Словцова былъ изданъ также и его трудъ: „Историческая записка о чукотскомъ народѣ, обитающемъ около Ледовитаго моря“ въ 1856 году).

Изъ приведеннаго нами—далеко не полнаго—перечня работъ П. А. Словцова видно, какія разнообразныя стороны краевой жизни находили освѣщеніе подъ его перомъ.

Но главнѣйшимъ трудомъ Словцова, можно сказать, подвигомъ его жизни, навсегда сохранившимъ его имя въ исторіи изученія этого края, все же, остается его „Историческое обозрѣніе Сибири“^{*)}.

По авторитетному отзыву А. Н. Пыпина, „несмотря на общее развитіе нашей исторіографіи, книга Словцова осталась не замѣненною и до сихъ поръ другимъ цѣльнымъ трудомъ равнаго достоинства“.

По словамъ того же изслѣдователя, „послѣ Словцова не было и до сихъ поръ нѣтъ писателя, который поставилъ бы себѣ задачей цѣльное изложеніе сибирской исторіи. Одна изъ причинъ этого—возрастающая трудность самой задачи: обильное накопленіе матеріала и гораздо большая, чѣмъ когда-нибудь прежде, сложность вопросовъ, съ которыми теперь встрѣчается историческое изслѣдованіе“^{*)}.

Если данный отзывъ почтеннаго А. Н. Пыпина, весьма лестный для книги Словцова, вообще, мало говоритъ намъ о внутреннихъ качествахъ этого труда,—то съ этой послѣдней стороны крайне цѣннымъ является отзывъ о трудѣ Словцова, который находимъ въ книгѣ, изданной подъ редакціей извѣстнаго знатока Сибири Н. М. Ядринцева.

„Сочиненіе Словцова, —говорится въ этомъ отзывѣ,—составляетъ эпоху въ сибирской исторической наукѣ. Въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ въ первый разъ въ художественной формѣ и согласно съ научными требованіями была передана повѣсть о прошлыхъ судьбахъ сибирской окраины. Словцовъ принадлежитъ къ типу историковъ-художниковъ. Словцова, съ этой точки зрѣнія, можно назвать сибирскимъ Карамзинымъ, хотя послѣднему онъ значительно уступаетъ

*) Пыпинъ «Исторія русской этнографіи», т. VI, стр. 354—358.

въ эрудицію. Это, однако, много зависѣло отъ условій, среди которыхъ Словцову приходилось писать свой трудъ (*). „Можно увѣренно сказать, — добавляетъ биографъ г. Словцова, К. М., — что Словцовъ съ большимъ успѣхомъ исполнилъ свою завѣтную мечту, особенно, если принять во вниманіе всѣ условія тогдашняго времени, при которыхъ ему приходилось работать. Если въ извѣстной долѣ правы современные Словцову рецензенты, указавшіе на недостаточность системы и единства въ его трудѣ и обвинявшіе автора въ сухости изложенія, надутости слога, то никто не могъ не признать того, что почтенный авторъ съ большимъ умѣньемъ собралъ и обработалъ историческія и географическія данныя и передалъ извѣстія о событіяхъ минувшихъ дней, по возможности, строго критически провѣренными.“ (**)

По словамъ того же биографа, трудъ Словцова, за время, истекшее со дня смерти автора, не только не потерялъ своего значенія, но, напротивъ, „при ростѣ духовнаго сознанія сибирскаго населенія и при отсутствіи новаго сочиненія, достойнаго замѣнить его, — интересъ къ нему возрастаетъ еще въ большей степени. Благодаря массѣ добросовѣстно обработанныхъ данныхъ и обилію историческихъ, географическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, заключающихся въ этомъ сочиненіи, оно долго будетъ служить источникомъ, откуда будутъ черпать свѣдѣнія о пережитыхъ временахъ, для освѣщенія какъ прошлыхъ періодовъ жизни сибирскаго населенія, такъ и текущихъ событій“.

Къ сказанному слѣдуетъ добавить, что въ своемъ трудѣ, излагая ходъ историческихъ событій Сибири, авторъ не ограничивался ролью безпристрастнаго лѣтописца, сообщающаго голые факты, а снабжалъ послѣдніе своими комментаріями, обнаруживая при этомъ, въ своей критической оцѣнкѣ фактовъ, новые по тому времени взгляды и гнбкій просвѣщенный умъ.

Такъ, наприм., отмѣчая подъ 1790 годомъ появленіе перваго въ Сибири періодическаго изданія — недолго издававшагося въ Тобольскѣ журнала „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену“, — нашъ историкъ иронически замѣчаетъ: „не Ипокрена ли превращалась въ Иртышъ? Вмѣсто того, чтобы заняться сообщеніемъ современныхъ въ Сибири происшествій, изложеніемъ мѣстныхъ историческихъ отрывковъ или описаній

*) «Литерат. Сборникъ» *Восточнаго обозрѣнія* подъ редакціей Н. М. Ярицева. Стр. 481. — 1885 г.

**) Придисловіе ко второму изданію «Историч. Обзор. Сибири», СПб. 1886 г.

торговли, хлѣбопашества и вообще хозяйственнаго быта, издатели пустились обезьянничать въ словесности и поэзій пошлой“...

Въ этомъ замѣчаніи сказался публицистъ, предъявляющій къ журналистикѣ требованія общественнаго служенія, т. е. болѣе высокія и жизненные, чѣмъ тѣ, которыя предъявлялись къ ней вообще въ то время.

Послѣдовательнымъ публицистомъ—общественникомъ остается авторъ „Историч. обзорѣнія Сибири“ и тогда, когда онъ заноситъ на страницы своего труда факты, относящіеся къ большой сибирской экспедиціи, снаряженной академіей наукъ въ 1733 г. подъ начальствомъ Беринга съ участіемъ извѣстныхъ ученыхъ: Миллера, Фишера, Гмелина и др. Огромные научные результаты, достигнутые этою экспедиціей и ея славная роль въ дѣлѣ изученія Сибири во всѣхъ отрасляхъ науки—не заслоняли собою для сибирскаго историка тѣневыхъ сторонъ этой экспедиціи.

„Другой экспедиціи, столь огромной и столь торжественной,—пишетъ Словцовъ,—донинѣ не бывало черезъ всю Сибирь, и дай Богъ, чтобы изъ состраданія къ краю бѣдному впредь никогда не слышать знаменитости, столь раззорительной. 4 раза надлежало экспедиціи садиться на воды, 4 раза выходить со всѣми грузами на сушу, съ угнетеніемъ жителей при каждой перемѣнѣ... Сколько артиллерійскихъ снарядовъ и орудій, сколько корабельныхъ тяжестей, сколько тысячъ пудовъ провіанта надлежало якутамъ перевести отъ Юдомскаго креста до Юхотска! Какія изнуренія, какіе уроны въ лошадяхъ терпѣли якуты отъ перевозки тяжестей, начиная съ открытія Камчатки,—можно читать записку якутскаго племени головы Аржанова. Этому такъ и быть: но бережливы ли поступали съ жителями Сибири профессора—вѣмцы? Въ мартѣ 1735 г. Гмелинъ съ Миллеромъ, отправляясь изъ Иркутска за Байкаль *налегать*, какъ самъ онъ пишетъ, не довольствовался 37 лошадьми, провинціальною канцеляріей назначенными, ни прибавленнымъ числомъ, но велѣлъ насильно на базарѣ отнять, сколько хотѣлъ, а съ Голоустной станціи поѣхалъ на 150 лошадяхъ. Что же подумать о поѣздѣ морскихъ чиновъ“?...*)

Приводимая цитата прекрасно характеризуетъ Словцова—гражданина, для котораго интересы науки не превалировали надъ интересами бѣдныхъ, обиженныхъ природою и людьми,

*) «Историч. Обзор. Сибири», т. 1, стр. 460 (перваго изданія).

жителей родной для него Сибири, какъ русскихъ, такъ и инородцевъ.

Вообще говоря, критическихъ замѣчаній подобнаго рода по отношенію къ излагаемымъ имъ историческимъ фактамъ у Словцова на протяженіи его книги находимъ немало.

И поэтому нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ извѣстнаго сибирскаго публициста Вс. Ив. Вагина о томъ, что вчитавшись въ книгу Словцова, помимо вложенной въ нее авторомъ „бездны трудолюбія и изысканій,“ помимо ея важнаго историческаго значенія, нельзя не видѣть въ авторѣ горячаго сибиряка—патріота, „который болѣетъ за свою родину, за ея слабыя стороны и неуройства и горячо протестуетъ противъ нихъ“. Книга Словцова съ этой стороны,—по словамъ Вагина,—„будила въ сибирякахъ лучшія чувства, и въ этомъ ея огромная заслуга“*).

Говоря о патріотизмѣ Словцова, В. И. Вагинъ, самъ являвшійся горячимъ патріотомъ Сибири, допускаетъ весьма характерную обмолвку. Онъ называетъ Сибирь родиной Словцова, хотя въ началѣ той же статьи указываетъ, что П. А. Словцовъ родился на Уралѣ. Но это послѣднее обстоятельство нисколько не измѣняетъ существа дѣла,—и цитируемый нами авторъ не погрѣшилъ противъ истины, называя родиной Словцова Сибирь. Послѣдняя была для нашего историка, на самомъ дѣлѣ, не только второю, но и любимую родиню. Въ Сибири протекла вся его сознательная и долгая жизнь, на служеніе ей онъ отдалъ всѣ свои силы, ей одной была посвящена вся его служебная, общественная и писательская дѣятельность.

Здѣсь вполне умѣстно и любопытно будетъ взглянуть, какъ относился самъ историкъ къ вопросу о правѣ Сибири на *свою* исторію?

Обращаясь для разъясненія этого вопроса къ самому труду Словцова, мы убѣждаемся, что во взглядѣ на поставленный нами вопросъ начъ историкъ совершенно расходится какъ со своими позднѣйшими комментаторами, такъ и съ чисто областническими взглядами современныхъ намъ сибиряковъ на значеніе сибирской исторіи. Дѣло въ томъ, что Словцовъ совершенно отрицаетъ *самобытность* сибирской исторіи, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Сибири *русской*, которую онъ отдѣляетъ въ этомъ случаѣ отъ Сибири *инородческой*. А отъ

*) См. «Вост. Обзор.» 1893 г. № 13—14.

сюда вытекает, самъ собою, и отрицательный взглядъ на право внутренняго самоопредѣленія для русской Сибири.

„Если время для человѣка есть прогрессія опытовъ, а не выкладка мгновений протекшихъ,—то исторія должна быть знаніемъ не обыденныхъ происшествій, а опытовъ невѣдомыхъ, опытовъ, выражающихъ истины, раскрытыя среди извѣстной страны. Отсюда выходитъ разность между лѣтописью и исторіей. Отсюда рождается еще вопросъ: всегда ли Сибирь, донынѣ продолжающая свои *лѣтописи*, будетъ имѣть отдѣльную *исторію*?“

На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ: „Сибирь инородческая, у которой не было и нѣтъ письменныхъ лоскутковъ прежде и послѣ юрты Кучумовой, никогда не представитъ бібліотекамъ исторіи о веселыхъ или злополучныхъ эпохахъ забытой жизни“... Не то—Сибирь русская. „Съ тѣхъ поръ, какъ дружины казаковъ и промышленниковъ вмѣстѣ съ зырянами продолжали за Ураломъ жить да быть, да животы наживать, то для себя, то для воеводъ, и увлекли по своимъ слѣдамъ сотни тысячъ людей,—съ тѣхъ поръ, конечно, много было движеній, много усилій кратковременныхъ... но ничего не вскрылось *подлиннаго*, ничего *самобытнаго*. Переселенецъ назывался сибирякомъ, но сибирякъ не переставалъ быть русскимъ въ томъ типѣ, въ какомъ онъ разстался съ родиною... Если нѣтъ и не было у него ни своей первообразной жизни, ни своей политической силы или воли, ни даже природы благотворной,—то можетъ ли тутъ быть другая исторія, кромѣ исторіи мѣръ правительственныхъ?“—спрашиваетъ историкъ и приходитъ къ выводу, что исторія сибирская есть лишь „*добавка* къ русской исторіи, равно какъ сама Сибирь для правительства представляетъ лишь боковую дверь въ Азію и Америку“. Отсюда „не трудно предвидѣть время, когда законодательство и образованность умственная поравняютъ Сибирь съ Россіей и, тѣмъ самымъ, закончатъ отдѣльность здѣшней исторіи“.

Таковъ основной взглядъ Словцова на значеніе сибирской исторіи.

Впервые появившійся въ свѣтъ въ концѣ 30-хъ годовъ пр. столѣтія трудъ Словцова, конечно, не былъ свободенъ отъ многихъ, особенно—внѣшнихъ, недостатковъ. По объективному опредѣленію В. И. Вагина, „обыкновеннаго читателя можетъ геражать и даже отталкивать въ этой книгѣ ея безпорядочный планъ и изложеніе; она написана очень тяжелымъ и часто вычурнымъ языкомъ. Исторической послѣдовательно-

сти въ ней очень мало, руководящей идеи съ перваго взгляда — не замѣтно.

Перечитывая теперь книгу Словцова, написанную свойственнымъ тому времени, но тяжелымъ для слуха читателя въ наше время, витиевато-риторическимъ стилемъ, трудно согласиться съ утверженіемъ автора цитированной выше рецензій (изъ „Литерат. Сборника“ Н. М. Ядринцева) о *художественности* труда Словцова. Но историческая цѣнность этого труда, а въ связи съ этимъ и историческая заслуга его автора, независимо отъ внѣшнихъ качествъ книги Словцова, продолжаютъ оставаться неоспоримыми и нисколько неумаленными до нашихъ дней.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть, что цѣнный трудъ Словцова по исторіи Сибири былъ переизданъ Сибиряковымъ, въ полномъ его объемѣ, въ 1886 году въ Петербургѣ. Теперь это изданіе „Историческаго обзорѣнія Сибири“, какъ и первое изданіе той же книги, представляетъ собою библиографическую рѣдкость. Новое переизданіе труда Словцова является давно назрѣвшею потребностью...

К. Дубровскій.

В лѣсахъ Сибири.

Подъ такимъ заглавіемъ въ редакцію „Сибир. Архива“ прислана интересная книжка, составленная ученымъ лѣсоводомъ А. А. Строгимъ, который въ настоящее время служитъ лѣснымъ ревизоромъ Приморской области.

Это — повѣсть о „нелюбимыхъ“ пасынкахъ государственнаго хозяйства“. Авторъ подробно и обстоятельно говоритъ о лѣсныхъ пожарахъ, лѣсоистребленіи въ Сибири и необходимости сибирскаго лѣсоохранительнаго закона, объ естественномъ возобновленіи лѣсовъ Сибири въ связи съ существенными особенностями сѣвернаго лѣсного хозяйства, о настоящемъ и будущемъ сибирскихъ лѣсовъ и о хозяйствѣ въ казенныхъ лѣсахъ Сибири.

Обиліе цѣнныхъ свѣдѣній и трезвый государственный взглядъ на дѣло невольно заставляютъ рекомендовать это прекрасное изданіе всѣмъ, интересующимся даннымъ вопросомъ.

И.

Письма Н. М. Ядринцева къ А. А. Ионину.

Въ бумагахъ покойнаго иркутскаго священника А. А. Ионина сотрудиномъ „Сибирскаго Архива“ Н. С. Романовымъ найдены нижепечатаемыя интересныя письма извѣстнаго сибирскаго общественнаго дѣятеля Н. М. Ядринцева.

Въ этихъ письмахъ, между прочимъ, упоминается объ одномъ крупномъ историческомъ трудѣ о. Ионина. Это—„Описание о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири“, напечатанное въ № 9—11 „Сибирскаго Архива“ за прошлый годъ.

Н. М. Ядринцевъ не ошибся въ оцѣнкѣ о. Ионина, который, дѣйствительно, много поработалъ по исторіи Сибири. Достаточно указать на крупный его трудъ: „Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири въ XVII в.“ Къ несчастью, послѣдніе годы жизни о. Ионина омрачены были служебными непріятностями. Какъ извѣстно, о. Александръ состоялъ законоучителемъ мужской гимназій, директоръ которой Румовъ поднималъ настоящее гоненіе на него и только заступничество мѣстнаго епископа спасло о. Александра. Во время всего этого дѣла изученіе сибирской исторіи было заброшено: до того ли было, когда ставился вопросъ *быть или не быть*. Это—печальныя страницы, которыя, будемъ надѣяться, со временемъ попадутъ въ печать... Я видѣлъ въ бумагахъ о. Ионина нѣсколько отрывковъ изъ его „отписокъ“ по несуразнымъ обвиненіямъ со стороны Румова и, скажу откровенно, *я плакалъ...*

А. Линьковъ.

28 марта 1886 года.

СПБ-уръ.

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Получилъ Ваше письмо послѣ долгаго перерыва и радуюсь, что опять нахожу вѣрнаго Сибиряка, во время этого перерыва не утекшаго, но возвращающагося на лоно отечества (подберите приличный текст),—разумѣю,—не перестающаго

заниматься вопросами родины. Вполнѣ сочувствую Вашимъ занятіямъ по исторіи, съ интересомъ прочелъ программу Вашего обстоятельнаго труда и нахожу его капитальнымъ. Всѣ матеріалы, собранные Вами, драгоценны. Объ интересующей Васъ рукописи Лаврентьевской я спрашивалъ нашего молодого историка Аксенова, Сибиряка, но онъ совѣтовалъ спросить у Майкова, работающаго въ Археологической комиссіи. И это на дняхъ будетъ сдѣлано. Всего болѣе меня заинтересовалъ Атласъ Вашъ Martino Martinio 1655 г. Древнѣйшія карты Сибири меня всѣ интересуютъ, такъ какъ я изучаю народы, жившіе до пришествія Русскихъ въ Сибирь. Вы получите литературный сборникъ нашъ, въ которомъ моя статья по исторіи культуры въ связи съ Сибирской Археологіей. Несомнѣнно, въ Сибири много было народовъ культурныхъ, на которыхъ указываютъ китайскіе историки. На древнѣйшихъ русскихъ картахъ не видно ихъ слѣда, но европейскіе путешественники знали о нихъ, приобрѣтя свѣдѣнія чрезъ *Рубриквиста*, Марко—Поло и друг. Въ 1-мъ томѣ Миддендерфа путешествія на Сѣверо-Востокъ Сибири приложены древнія карты, но на нихъ многого нѣтъ, что есть въ Вашемъ атласѣ, судя по письму. Поэтому хорошо бы было, если бы Вы выписали всѣ города и народы, населяющіе Востокъ и Западъ Сибири, а еще лучше бы снять копію карты, хотя на вощеной бумагѣ; это легко сдѣлать. Вѣрно, есть неточности, но многое, можетъ быть, и освѣтитъ прошлое. По этой части иностранцы сильнѣе насъ. На Англійскомъ къ Марко—Поло сдѣланы примѣчанія Полковникомъ Юле обо всѣхъ пунктахъ въ Сибири. Каракорумъ, столица монгольскаго ханства, вызвала нѣмецкую литературу и одну статью я печатаю. Находитесь ли гдѣ этотъ атласъ за границей, я Вамъ сообщу. Статья Ваша объ археологіи изъ „Сибирскаго Вѣстника“ напечатана. Карточку свою посылаю и за Вашу благодарю. Поздравляю Васъ съ подругой жизни и прошу ее полюбить нашего Сибиряка.

Вашъ Н. Ядринцевъ.

Надо бы условиться, что Вы можете дать изъ своихъ отрывковъ для нашихъ книжекъ приложений.

II.

Многоуважаемый милый землякъ!
Письмо Ваше, отъ 3 апрѣля я получилъ. По штемпелю видно, что оно отправлено было изъ Кіева 18 Апрѣля. Относительно Вашего рѣшенія ѣхать въ Петербургъ, конечно,

приходится задаться вопросом: насколько тамъ удастся пристроиться и найти мѣсто? Найдете ли Вы покровителей среди духовенства и архіереевъ здѣсь? Я вѣдь ни съ кѣмъ изъ этихъ лицъ не знакомъ. При всемъ желаніи быть Вамъ полезнымъ, я не могу и окажусь безсильнымъ вывести Васъ на мѣсто, тѣмъ болѣе, что въ Сибирь Вы не хотите. Я понимаю, что для научныхъ занятій Вамъ было бы полезно найти занятіе не въ Кіевѣ, но не знаю и сомнѣваюсь, чтобы въ Петербургѣ также получались легко мѣста въ духовно-педагогическомъ мірѣ. Пробовать можно, но окончательно надѣяться не слѣдуетъ, особенно безъ видныхъ протекторовъ. А этой протекціи еще искать придется въ средѣ петербургскихъ духовныхъ. Лично я радъ душевно Васъ видѣть и познакомить съ Потанинымъ, но вѣдь это не зависимо отъ Вашего устройства. Кажется, Вы очень рѣшительно рвете связи съ Кіевомъ и отказываетесь даже отъ мѣста, тогда когда Вамъ предлагаютъ и идутъ къ Вамъ на уступки. Придется ѣхать Вамъ на авось. На протекцію И. М. Сибирякова не рассчитывайте, это—милѣйшій человѣкъ безъ знакомства и вліянія. У насъ знакомые ученые міръ, но не чиновники и іерархія. Притомъ Вы выбираете лѣтній сезонъ, а въ маѣ уже всѣ начнутъ разъѣзжаться изъ Петербурга. Уѣдетъ и Сибиряковъ, да я и не знаю, что Вамъ съ нимъ дѣлать. Я буду въ маѣ въ Питерѣ, но далѣе не знаю, останусь ли. Дѣла редакціи не казисты, мы переживаемъ кризисъ и не знаю, что предвидится впередъ. Готовъ поддержать Вашъ духъ и энергію. Никогда не слѣдуетъ падать предъ обстоятельствами, но нужно обдумывать встрѣчные шаги и рассчитывать шансы сообразно съ дѣйствительностью. Словомъ, за Вашу поѣздку боюсь. Что Ваша диссертация потерпѣла неудачу—тоже не веселая вѣсть. Я самъ думалъ, что планъ у Васъ съ самаго начала ужасно *разросся*. Это не столько диссертация, сколько планъ на цѣлую жизнь человѣка. Понятно, что всѣ признали его отрывочность. Предварительная работа у Васъ отняла все время отъ обработки литературной. Это дѣло надо поправить и сдать Вамъ блестящую диссертацию, какъ и *вести* Васъ въ рядъ ученыхъ. Для сего предстоитъ работа впереди, приѣздъ свой обсудите лучше и тогда, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И теперь уже разъѣзжаются и ученые общества закрываются. *Вы опоздали.*

Вашъ Ядринцевъ.

III.

6 октября 1886 года

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Получилъ Ваше письмо и глубоко благодаренъ за присылку копіи карты, которая очень любопытна, какъ образецъ древнихъ познаній о Сибири. Трудиться перерисовывать карту нечего, ибо здѣсь кто-нибудь пересниметъ, но на досугѣ перепишите перечень латынскихъ названій и комментарий, особенно мелкихъ, чтобы намъ не перевернуть. Кроме того, любопытны, конечно, толкованія къ этой картѣ въ текстѣ атласа. Очень обяжете, если ихъ переведете. Вторая карта, менѣе подробная, не такъ важна. Радуюсь за успѣхъ Вашей диссертациі и окончаніе курса. Мы можемъ поздравить Сибирь съ новымъ ученымъ дѣтелемъ, уже доказавшимъ свое трудолюбіе, способность и познаніе. Дай, Богъ, Сибири больше такихъ дѣтей, какъ Вы, и дай, Богъ, что бы они явились поскорѣе на смѣну намъ старикамъ. Мы обладали меньшими познаніями, намъ некогда было систематически учиться. „Больше знанія!“—вотъ что приходится проповѣдывать нынѣшнему молодому поколѣнію изъ университетскихъ. А университетскіе очень жидковаты. Только Аксеновъ выдался труженикъ. Итакъ, еще разъ поздравляю Васъ. А затѣмъ нужно устроиться. Но что же намъ тутъ дѣлать? Ясно, что надо протянуть до весны и найти ресурсъ для Вашихъ ученыхъ работъ. Такъ какъ они касаются Сибири, стало быть, надо вмѣстѣ думать думать. Я передамъ кое кому изъ нашихъ богатенькихъ о Вашихъ работахъ, а Вы къ 21 числу или къ 1-му ноябрю пришлите коротенькій перечень главъ Вашей диссертациі, а также—что предстоитъ Вамъ въ зиму *окончить*. Также въ общихъ чертахъ сообщите, что Вы уже перечитали изъ лѣтописей. Это для рекомендаціи Васъ. Въ этомъ же письмѣ, въ виду Вашихъ работъ, Вы обратитесь ко мнѣ съ просьбой отыскать Вамъ заемъ или родъ стипендіи на зиму. На сколько Вы рассчитываете; конечно, трудно просить болѣе 50 руб. въ мѣсяць (можетъ, найдутся и другія средства). Заемъ этотъ Вы дадите обѣщаніе уплачивать, какъ получите мѣсто. (Ручаюсь, что Васъ не притѣснятъ съ отдачей). Ладно ли это будетъ? Относительно статьи въ сборникѣ радъ. Но надо дать заглавіе болѣе популярное и журнальное, хотя такъ: „Первые шаги гражданственности въ Сибири“ („Построеніе городовъ“—очень сухо); надо къ ней написать интересное введеніе. Далѣе, она поступитъ на разсмотрѣніе издателя сборниковъ—приложеній; таково условіе, сдѣланное мнѣ при от-

пускѣ средствъ на изданіе. Затѣмъ, имѣйте въ виду, что въ будущемъ году мы не можемъ издать болѣе четырехъ книгъ. Стало быть, будутъ еще статьи серьезныя и тогда 6 листовъ много. Надо будетъ примириться съ меньшимъ. Зато мы можемъ Вамъ приготовить оттиски по условію, или особые брошюры и, конечно, гонораръ, какой назначить издатель. Такъ какъ я хочу къ нему же обратиться и за стипендіей, то положитесь на нашу дипломатію и слишкомъ большихъ требований не ставьте. А я походатайствую за Васъ. Вообще, Васъ надо прежде провести, какъ талантливаго работника ученаго. То лицо, къ которому я хочу обратиться, вѣрить, какъ въ Бога, въ историка Семевского и, вѣроятно, придется ему показать Вашу диссертацию. Но для журнала или сборниковъ, повторяю, нужно сдѣлать извлеченія наиболѣе интересныя. Вы сами знаете, что авторъ все цѣнить, но читатель не все и очень много сухого, ученаго матеріала не вынесетъ. О лѣтописи Ремезова и проч. спрошу Аксенова: онъ знаетъ. Я только что воротился изъ Сибири, доѣхалъ до Иркутска и увидалъ родину. Мѣсто самое лучшее теперь Иркутскъ. Тобольскъ запустѣніе, а Томскъ наполненъ жуликами. Красноярскъ тоже глухъ. Въ Иркутскѣ же есть интеллигенція. Современемъ и я туда возвращусь, ибо сплю и вижу воротиться въ Сибирь и тамъ основать релакцію. Хорошо бы сгруппироваться сибирякамъ, уже вступившимъ на поприще литературы и науки. Лихо бы зажили. Но все Богъ, отче, и все впереди. Пока Сибирякамъ везетъ, но вотъ университета то не даютъ, говорятъ „атанде“, а вѣдь синица уже въ рукахъ была. Спасибо за карточку юнца. Экземпляръ отличный, изъ большеголовыхъ, напоминаетъ малороссійскій и отчасти усть-каменогорской арбузъ. Долго лѣтъ ему жить и быть Сибирякомъ. Женѣ Вашей поклонъ, привѣтъ и спасибо за такого хорошаго младенца. Литературное приложеніе за прошлый годъ, если не имѣете, пошлю. Да что Вы, сударь, меня въ Превосходительство возводите: я ни одного чина не имѣю. Еще судить меня будутъ за самозванство.

Вашъ Н. Ядринцевъ.

IV.

12. Декабря.

Милѣйшій, чувствую что Вы ждете съ нетерпѣніемъ письма. Я Вамъ послалъ утѣшительную телеграмму, что дѣло выгорѣло, но я долженъ былъ дѣйствовать съ выдержкой и не налегать, не торопить рѣшенія. Во—время былъ разго-

воръ. Я воспользовался окончательно своими именинами, вѣдь именинниковъ не обижаютъ. Это былъ самый лучший мнѣ подарокъ, т. е. сдѣлать добро для моихъ земляковъ. Заемъ или стипендію Вамъ дастъ Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ съ 15 декабря по май, на шесть мѣсяцевъ, по 50 р. Деньги будутъ высылаться чрезъ нашу контору аккуратно. Первые получите въ декабрѣ, на дняхъ общалъ внести. Срокъ уплаты въ теченіе трехъ лѣтъ. Послѣ cadaго полученія Вы пришлете расписку Потомственному Почетному Гражданину И. М. Сибирякову: „общаюсь уплатить въ теченіе трехъ лѣтъ.“ Въ маѣ же мѣсяцѣ переписете расписки на общій вексель. Вы не бойтесь: онъ добрый человекъ, но формалистъ. При томъ раньше трехъ лѣтъ и рѣчи не будетъ обь уплатѣ, а Вы, надѣюсь, въ это время устроитесь. Пишу наскоро. Богъ благословитъ Васъ и Вашу семью! Работайте на пользу Сибири и исторіи Сибири! Пусть Вашъ жребій будетъ счастливѣе нашего и работа дружнѣе. Вотъ и совершенно одинокъ въ газетѣ. Измученъ, никто не пишетъ, помощниковъ нѣтъ. Молодежь плохо владѣетъ перомъ и терпѣніемъ. Помучаешься другой разъ съ ея рукописями, да и самъ начнешь кропать. Вотъ и сегодняшняя ночь ушла на работу для номера. А силы падаютъ да падаютъ, недуги сильнѣе, а съ ними и смерть. Когда же Вы, юнцы, выйдете и смѣните насъ? Пора! Крѣпко жму Вашу руку.

Вашъ Н. Ядринцевъ.

V.

15 Марта 1887 г.

Милый Александръ Алексѣевичъ!

Давно не пишу, ибо заваленъ дѣлами и докладами. Приѣхалъ Г. Н. Потанинъ; я его познакомилъ съ Вашими трудами и картой Мартино—Мартиніо. Она составлена по свѣдѣніямъ Птолемея и Марко-Поло и, затѣмъ, кое что написано вновь. Важны только кое какіе детали, освѣщающія другихъ географовъ, но, во всякомъ случаѣ это любопытный матеріаль для географа. Вышли-ли и напечатаны ли какія изъ Вашихъ монографій по исторіи Сибири? Отчего не шлете? Какъ намѣчаете будущее? Потанинъ поѣдетъ дѣлопроизводителемъ въ Географическое общество и заинтересованъ разборомъ архивовъ Сибирскихъ, гдѣ сохранились матерьялы. Я же думаю, что болѣе работы въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Подумывайте, куда Вамъ лучше устроиться, чтобы продолжать работать надъ Сибирской исторіей.

Въ академіи наукъ лежитъ премія Сибирякова въ 1000 р. за лучшее сочиненіе по исторіи Сибири. Это примите къ свѣдѣнію. Сообщите о дальнѣйшихъ Вашихъ планахъ и мечтахъ. Не намѣтите ли мѣста въ Сибирь. Вы человѣкъ, который по охотѣ бы, конечно, соединился съ учеными, разрозненными въ краѣ. Надо только найти путь и мѣсто. Въ Россіи что Вы будете дѣлать? Отрѣзанный ломоть отъ насъ и подневольный труженикъ чужого дѣла. Привѣтъ Вамъ. Если есть еще какіе матеріалы къ Мартино—Мартинію сообщите для Потанина. Карту я перерисовываю и дадимъ о ней докладъ.

Вашъ Н. Ядринцевъ.

VI.

31 Іюля 1887 г.

Многоуважаемый Отецъ Александръ!

Позвольте уже такъ Васъ именовать. Обстоятельства и отъѣздъ мой временно въ деревню не позволили мнѣ отвѣчать тотчасъ на Вашу телеграмму. Да и сомнѣваюсь, что я могъ по ней сдѣлать и гдѣ справиться. Графъ Игнатьевъ долженъ былъ около 20-го Іюля изъ Москвы направиться въ Иркутскъ. Я ждалъ его пріѣзда и извѣщенія, чтобы переслать Вашу телеграмму, но не получилъ. Поэтому не знаю, выѣхалъ ли Графъ. Телеграфируйте ему въ Иркутскъ теперь, такъ какъ отъ него зависитъ назначеніе прогоновъ. Въдъ меня въ Министерствѣ не послушаютъ, я не Генералъ-губернаторъ. Отъ меня уѣхали 2 Мая на родину помощники—студенты. Ихъ исключили изъ университета, какъ и многихъ Сибиряковъ и приказали выѣхать. Работаю одинъ. Когда поѣдете въ Томскъ, заѣзжайте къ Адрианову—теперь секретарь статистическаго комитета. Потанины выѣдутъ въ началѣ августа. Соберите пожалуста подробныя справки о прошломъ Картамышева и объ его исключеніи изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ. Это очень важно для насъ. Не захватите ли кievскихъ матеріаловъ для исторической работы. Сообщайте Ваши новости.

Вашъ Н. Ядринцевъ.

Ей Богу, дорогой, готовъ бы исполнить все Ваши порученія, но укажите, гдѣ справляться.

ПО ПОВОДУ „ЭКСПЕДИЦИИ“ А. П. ДЪТИЩЕВА.

Въ 112 №-рѣ газеты „Сибирь,“ отъ 21 мая 1914 года, въ отдѣлѣ хроники мелкимъ шрифтомъ напечатана слѣдующая интересная замѣтка.

«Въ В-С. отдѣлѣ географическаго об-ва сдѣланъ былъ на-дняхъ докладъ члена отдѣла Э. К. Макушекъ-Боржимскаго «о неправильностяхъ географическихъ названій горныхъ хребтовъ и отдѣльныхъ вершинъ въ южной части Прибайкалья». Докладчикъ слегка коснулся нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ экспедицій, предпринимавшихся членами отдѣла. Между прочимъ, онъ указалъ, что экспедиции эти совершенно игнорировали вопросъ о точныхъ названіяхъ изслѣдуемыхъ ими мѣстностей (экспедиція г-на Дѣтисцева), благодаря чему они внесли большую путаницу въ географическія карты. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію докладчика, гора «Хамарь-ула» (Горный носъ) неправильно названа «Хамарь-дабаномъ».

Затѣмъ докладчикъ коснулся также вопроса «о неправильномъ расположеніи географическихъ пунктовъ и невѣрномъ ихъ наименованіи на картахъ Монголіи». По его мнѣнію, 40 верстная карта южной пограничной полосы Азиатской Россіи, являющаяся до сего времени единственнымъ доступнымъ пособіемъ для ориентировки русскому путешественнику въ Монголіи, имѣетъ цѣлый рядъ неправильностей.

«Можетъ быть,—говоритъ докладчикъ,—съ точки зрѣнія государственной обороны неразбериха въ нашихъ картахъ и полезна, т. к. «иностранцы по нашимъ картамъ ничего не найдутъ»,—но только это можетъ оказать палкой о двухъ концахъ, т. к., «вводя въ заблужденіе иностранцевъ, мы и сами ничего не найдемъ, въ чемъ наглядно могли убѣдиться во время послѣдней войны съ Японіей.»

Докладчикъ высказываетъ пожеланіе о скорѣйшей тщательной проверкѣ картъ.»

Курсивъ мой.

Очень и очень жаль, что газета не перечислила подробно отрицательныхъ сторонъ снаряжавшихся экспедицій.

Когда то славный восточно—сибирскій отдѣлъ географическаго общества въ послѣднее время переживаетъ тяжкій научный кризисъ. Людей науки здѣсь нѣтъ, ихъ замѣняетъ какой то суррогатъ диллетантовъ, однако вообразовавшихъ себя научными силами. И въ результатѣ ихъ дѣятельности—одна „путаница“. Жаль только, что все это идетъ подъ флагомъ ученаго учрежденія.

Въ прошломъ году весной, когда спаряжалась „экспедиція“ А. П. Дѣтищева, сотрудникъ „Сибирскаго Архива“ М. П. Овчинниковъ опредѣленно писалъ по поводу этой затѣи. Привожу полностью слова г. Овчинникова.

Нынѣшніе дѣятели географическаго отдѣла «то и дѣло составляли маниловскіе прожекты, которые постоянно превращались въ мыльные пузыри. Такъ, они проектировали сдѣлать бесплатной правительскую должность, затѣяли скандальную исторію съ арендаторомъ молочной, находившейся въ саду геогр. общества, искали урановую руду около ст. Слюдянки и рассчитывали оборудовать на разработкѣ этой руды выгодное дѣльце; недавно собирались открыть въ музей кинематографъ (5-й въ городѣ) и брать на прокатъ ленты въ иллюзионѣ Донъ-Отелло. Словомъ, что ни «сессія» засѣданій распорядительнаго комитета, то и новые пустяжные прожекты. Правда, теперь комитетъ какъ будто рѣшилъ «удаться» въ науку. Именно, онъ отправляетъ научную экспедицію на Хамаръ—Дабанъ. Но и здѣсь, какъ и во всемъ, у комитета первый блинъ вышелъ комомъ. Дѣло въ томъ, что во главѣ экспедиціи ставится чело-вѣкъ, который въ наукѣ совершенно неизвѣстенъ *). Между тѣмъ, этотъ «ученый» развернулъ широкую программу для своихъ изслѣдованій, съ которой расп. комитетъ вполне согласился. Я бы напомнилъ комитету: 1) за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймашь; лучше дать небольшо-ую, но опредѣленную задачу и вполне выполнимую; 2) поставить во главѣ экспедиціи чело-вѣка, хоть сколько-нибудь доказавшаго печатными трудами свою компетентность въ научныхъ изслѣдованіяхъ; можно, напр. пригласить со стороны, изъ столицъ, вродѣ того, какъ зап.-сиб. отдѣлъ геогр. общества нынче пригласилъ извѣстнаго Гр. Ник. Потанина; **) 3) необходимо, чтобы составъ экспедиціи былъ изъ специалистовъ (энтомологи, палеонтологи, метеорологи и т. д.), а не съ боку да съ сосенки, какъ теперь ***). Не трудно предугадать результаты подобной экспедиціи. Несомнѣнно, экспедиція сдѣлаетъ «много открытій» и наговоритъ массу «научныхъ словъ на заграничный ладь». И только. «Ученый» глава этой экспедиціи уже авансомъ подговаривается къ тому, что, дескать, въ виду обширности программы трудно въ одно лѣто выполнить поставленную задачу. Это сознаніе хорошо; худо только, что ученый не сознаетъ своей излишней смѣлости стать во главѣ серьезнаго дѣла.

*) . Преподаватель Иркутскаго учительскаго института А. П. Дѣтищевъ.

**) . Или, напр., Тобольскій губернскій музей пригласилъ для изслѣдованій съвера Тобольской губ. извѣстныхъ Б. Н. Городкова, Шульца и Полле; министерство путей сообщенія предложило сибирскому литератору В. Я. Шишкову (сотруд. журн. «Завѣты», газ. «Сиб. Жизнь», «Сиб. Новь» и др.) принять участіе въ технической партіи, командированной для изслѣдованія Чечуйскаго тракта до Кошъ—Агача; министерство народнаго просвѣщенія ассигновало 1300 руб. проф. Б. П. Вейнбергу на научную экспедицію въ Монголію. Все это экспедиціи нынѣшняго лѣта.

***). Съ Г. Н. Потанинымъ ѣдетъ ходожница А. А. Воронина—Уткина для изученія киргизскаго орнамента. Въ топографической экспедиціи кн. И. Э. Ухтомскаго (въ глубь Монголіи) принимаютъ участіе видные антропологи, не говоря уже о специалистахъ топографахъ.

Предсказаніе г. Овчинникова, какъ и слѣдовало ожидать, вполне оправдалось.

Г. Дѣтищевъ, возведенный в.-с. географическимъ отдѣломъ въ „ученые“, въ дѣйствительности не болѣе, какъ *при- сяжный любитель науки*, много общающійся, но ничего не дающій; это—еще неопытный диллетантъ.

Свою „экспедицію“ онъ организовать самымъ смѣхотворнымъ образомъ.

Прежде всего, г. Дѣтищевъ „сочинилъ“ обширную программу для своихъ научныхъ изслѣдованій, выполнить которую, разумѣется, было не по плечу не только ему—диллетанту, но даже и серьезному опытному изслѣдователю. Программу эту распорядительный комитетъ географическаго отдѣла, состоящій изъ людей, совершенно незараженныхъ наукой, одобрилъ.

Затѣмъ, г. Дѣтищевъ досталъ нѣсколько книгъ и картъ, описывающихъ мѣстность, которую онъ рѣшилъ обследовать. Это, пожалуй, самая дѣльная часть экспедиціи.

Наконецъ, были найдены сотrudники—участники экспедиціи въ видѣ научно—невинныхъ юношей, которымъ интересно было посмотрѣть, что изъ себя представляютъ ученые экспедиціи. Юноши эти—воспитанники Иркутскаго учительскаго института.

Подобный „любительскій пикникъ“ на Хамарь—Дабанъ получилъ уже правильную „разяснительную“ оцѣнку со стороны О. К. Макушекъ—Боржимскаго.

Я не коснулся бы „экспедиціи“ г. Дѣтищева, если бы онъ повелъ дѣло лично отъ себя, безъ флага ученаго учрежденія и, тѣмъ болѣе, безъ всякаго шума, разъ не о чемъ шумѣть. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ профанировать научныя экспедиціи ученыхъ учреждений.

А. Линьковъ.

ВОЗНІКНОВЕНІЕ МУЗЕЯ ВЪ ИРКУТСКЪ.

Иркутскій музей—одинъ изъ старѣйшихъ музеевъ Сибири¹⁾. Онъ возникъ еще до открытія въ Иркутскѣ сибирскаго отдѣла географическаго общества въ 1851 году. „Учрежденію сибирскаго отдѣла предшествовало основаніе при главномъ управленіи Восточной Сибири, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, музея естественныхъ предметовъ. Распорядителемъ музея избранъ былъ инспекторъ гимназіи В. И. Съдаковъ... Съдаковъ ревностно взялся за дѣло: онъ составилъ руководства для собранія, препарированія, храненія и пересылки предметовъ, заготовлялъ всѣ нужные препараты и посуду и входилъ въ сношенія съ корреспондентами, отыскивая ихъ во всѣхъ углахъ Сибири. Плодомъ его усилій было созданіе музея, въ которомъ уже къ 1850 году было собрано до 650 предметовъ“²⁾.

1) Ядринцевъ (Сибирь, какъ колонія, изд. 2, стр. 650) упоминаетъ еще о музеѣ, основанномъ когда то д-ромъ Геблеромъ въ Барнаулѣ; музей „совершенно заглохъ и погибъ, какъ только уѣхалъ челоѣкъ, основавшій его и горячо преданный наукѣ“.

2) Очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географич. общества. Иркутскъ, 1876, стр. 3-4. Тамъ же сообщается, что музей былъ въ 1851 г. переданъ сибирскому отдѣлу, но это ошибка; въ запискахъ сибирскаго отдѣла Импер. русс. геогр. общ. говорится въ отчетѣ о дѣйствіяхъ отдѣла за 1852 годъ: «къ учрежденію этнографическаго музеума сибирскій отдѣлъ не приступалъ, имѣя въ виду учрежденіе при главномъ управленіи Вост. Сибири музеума, въ составъ котораго поступаютъ не только этнографическіе предметы, но и весьма драгоцѣнные матеріалы для познанія естественной исторіи Восточной Сибири. Въ означенный музеумъ члены отдѣла имѣютъ постоянно свободный доступъ для своихъ ученыхъ изслѣдованій.» (Книжка I, СПБ., 1856, стр. 34). «Хотя музеумъ не принадлежитъ отдѣлу, какъ собственность его, но доступъ къ нему постоянно свободенъ членамъ отдѣла, для ихъ ученыхъ изслѣдованій» (книжка II, СПБ., 1856, стр. 3).

Къ концу 70-хъ годовъ музей обладалъ уже значительными научными богатствами, но онъ былъ уничтоженъ пожаромъ 1879 года. 3).

Насаждая въ Сибири научныя учрежденія, власть преслѣдовала не просто культурныя цѣли, а проводила извѣстныя политическія тенденціи. Такъ, генераль-губернаторъ Восточной Сибири, открывая въ 1851 г. дѣйствія сибирскаго отдѣла, заявилъ: „Три вѣка тому назадъ достославные наши предки завоевали Сибирь въ вѣчное достояніе Россіи, не многочисленностью дружинъ своихъ, но твердостью въ своихъ начинаніяхъ, постоянною ревностью къ дѣлу и стремленіемъ заслужить похвалу Царя и отечества. Такъ предстоитъ нынѣ нашему отдѣлу приобрести страну эту для Россіи въ ученое отношеніи, не многочисленностью ученой нашей дружины, но постоянными трудами и ревностнымъ стремленіемъ исполнить Высочайшую волю и оправдать довѣріе Августѣйшаго предсѣдателя, великаго князя Константина Николаевича“. Барсуковъ, приводящій эти слова, правильно замѣчаетъ, что сибирскій отдѣлъ, по мысли его инициаторовъ, долженъ былъ быть „не просто лишь ученымъ обществомъ, а обществомъ учено-патріотическимъ“. 4).

Очень любопытенъ также слѣдующій документъ, найденный нами въ дѣлѣ Минусинскаго словеснаго суда за № 1016.

Указъ Енисейскаго губернскаго управленія Минусинскому словесному суду 8 августа 1850 г. „Губернское правленіе слушало предложеніе Енисейскаго гражданскаго губернатора отъ 17 июля слѣдующаго содержанія: въ августѣ мѣсяцѣ 1836 г. опубликовано Высочайшее повелѣніе объ открытіи въ губернскихъ городахъ Россіи выставокъ произведеній природы, искусствъ и разнаго рода промышленности. Восточная Сибирь, замѣчательнѣйшая по своему пространству, разнообразію почвы, положенію, климату и богатству естественныхъ произведеній, нѣсколько разъ уже подвергалась изслѣдованію людей ученыхъ, но всѣ эти изслѣдованія были направляемы или на одинъ какой либо предметъ исключительно, или ограничивались какимъ нибудь отдѣльнымъ мѣстомъ; а потому далеко не удовлетворяютъ любознательности пытливаго любознательнаго ума и современно-

3). Сукачевъ. Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири, стр. 194.

4). Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ—Амурскій. Матеріалы для біографіи, книга I, Москва, 1891 г., стр. 290.

Сибирскій отдѣлъ геогр. общества «былъ въ значительной степени какъ бы ученымъ отдѣломъ главнаго управленія». Н. Н. Козьминъ. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб. 1910, стр. 192.

просвѣщенію. Отъ туземныхъ жителей, народа большей частью дикаго, грубаго и невѣжественнаго, нельзя и ожидать усерднаго содѣйствія и пособій къ ознакомленію съ страню, весьма любопытною во многихъ отношеніяхъ; невѣдѣніе и малообращаемое на этотъ предметъ вниманіе начальства были естественныя тому причины. Нынѣ, когда просвѣщеніе все болѣе и болѣе проникаетъ въ самыя отдаленныя мѣста Сибири, можно навѣрное полагать, что прежнее препятствіе, слѣдствіе необразованности, устранится само собою. Г. генералъ-губернаторъ Вост. Сибири, желая содѣйствовать скорѣйшему исполненію воли Его Величества и вполнѣ сознавая всю важность и пользу вышеупомянутаго учрежденія, въ которомъ должны будутъ сосредоточиваться всѣ разнообразныя разнородныя произведенія Вост. Сибири, также естественныя и статистическія свѣдѣнія объ ней, полагаетъ: нисколько не медля, образовать при главномъ управленіи Вост. Сибири постоянный музеумъ. А какъ предпріятіе это требуетъ дѣятельнаго участія и усерднаго содѣйствія мѣстныхъ властей и лицъ, его высокопревосходительство обратился къ нему, г. Енисейскому гражданскому губернатору, съ просьбою употребить зависящія отъ его превосходительства средства къ исполненію Высочайшей воли, столь благодѣтельной для края.

Вслѣдствіе сего, его высокопревосходительство Николай Николаевичъ проситъ, во первыхъ, объявить по Енисейской губерніи объ открытіи въ г. Иркутскѣ постояннаго музеума съ выставкою при немъ, сообразно Высочайшей воли по этому предмету; во вторыхъ, такъ какъ первоначальное образованіе и поддержаніе этого учрежденія требуетъ многихъ необходимыхъ издержекъ, пригласить къ пожертвованію и содѣйствію лицъ частныхъ, предложивъ имъ званіе сотрудниковъ по музеуму. Далѣе, его высокопревосходительство присоединяетъ, что изъявляющіе на это согласіе обязываются внести 10 руб. сер. въ пользу музеума (не препятствуется, впрочемъ, кому угодно будетъ, вносить и болѣе). По присылкѣ такихъ денегъ въ главное управленіе; сотрудникамъ будетъ высылаться оттуда печатный дипломъ на званіе сотрудника. Дипломъ этотъ будетъ имѣть свое значеніе и силу въ теченіи того года, когда внесены деньги; по прошествіи же онаго, при возобновленіи подписки и платы, будетъ возобновляться и самый дипломъ выдачею новаго. Кто въ теченіе трехъ лѣтъ сряду не перестанетъ быть сотрудникомъ въ этомъ общепольномъ дѣлѣ, тотъ, при желаніи продолжать таковое участіе свое, при новомъ взносѣ воспользуется званіемъ почетнаго члена. Съ лицъ, приносящихъ значительныя пожертвованія какъ деньгами, такъ и различными цѣнными предметами, будутъ сниматься портре-

ты, которые будут храниться въ музеумѣ, а имена ихъ будутъ печататься и также храниться при дѣлахъ архива особо. Подробная инструкція съ примѣрнымъ исчисленіемъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ музеума и наставленіями о способѣ собиранія, храненія и пересылки насѣкомыхъ рыбъ, гадовъ и пр. съ доставленіемъ и самыхъ матеріаловъ для сбора, храненія и высылки ихъ, будетъ разослана особо при первой возможности. Впрочемъ, его превосходительство присовокупилъ, что до разсылки этой инструкціи весьма желательно было бы получить для первоначальнаго образованія музеума замѣчательныя произведенія природы, искусства и промышленности. Его превосходительство просить немедленно сдѣлать распоряженіе о приглашеніи желающихъ къ участию въ приведеніи въ исполненіе изъясненнаго предложенія г. генераль-губернатора Вост. Сибири; о послѣдующемъ же его увѣдомить. При слушаніи сего пожертвованы деньги г.г. предсѣдателемъ, совѣтниками Куртуковыми, Ураковыми и Баженовымъ и секретаремъ Баженовымъ; а также по приглашенію присутствія изъявлено желаніе къ пожертвованію ревизоромъ поселеній (что нынѣ засѣдатель Ачинскаго земскаго суда) Калишкевичемъ, столоначальникомъ (что нынѣ секретарь губернскаго суда) Томашевскимъ, и столоначальниками Артемьевымъ и Арлянскимъ. Объ этомъ посылаются указы всѣмъ здѣшней губерніи присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ, въ томъ числѣ градскимъ и земскимъ полиціямъ, горнымъ исправникамъ, отдѣльнымъ и участковымъ засѣдателямъ.

В. А. Ватинъ.

Редакторъ — Издатель А. Лиховъ.

Г. МИНУСИНСКЪ.

Редакція газеты
„МИНУСИНСКІЙ КРАЙ“

СЪ 1-ГО МАРТА въ г. Минусинскѣ предполагается къ выходу прогрессивная общественно-политическая, экономическая и литературная газета „Минусинскій Край“.

Газета будетъ выходить 3 раза въ недѣлю: по Воскресеньямъ, Вторникамъ и Четвергамъ.

Газета будетъ содержать слѣдующіе отдѣлы: 1) телеграммы, 2) оригинальныя статьи, 3) обзоръ печати, 4) послѣднія извѣстія, 5) сибирская жизнь, 6) мѣстная жизнь, 7) уѣздная жизнь, 8) заграничная жизнь, 9) литература и искусство, 10) сельско-хозяйственный отдѣлъ, 11) торгово-промышленный отдѣлъ и 12) объявленія.

Мѣстная газета—вопросъ слишкомъ назрѣвшей. Съ одной стороны современная общественно-политическая жизнь слишкомъ далеко отстоитъ отъ обширнаго Минусинскаго уѣзда; и сдѣлать эту жизнь близкой и доступной для читателя—первая задача редакціи.

Съ другой стороны и мѣстная жизнь, усложнившаяся подъ вліяніемъ цѣлаго ряда общественно-экономическихъ факторовъ, также настойчиво требуетъ освѣщенія и разрѣшенія многихъ мѣстныхъ вопросовъ.

Эти двѣ задачи: освѣщеніе общественно-политической жизни Россіи, и разработка мѣстныхъ вопросовъ—положены въ основу будущей работы редакціи газеты „Минусинскій Край“.

Въ своемъ направленіи газета будетъ посылно проводить принципы правовой общественно-политической жизни, ставя своей задачей въ экономической области защиту интересовъ трудящихся.

Подписка на газету принимается, со дня выхода настоящаго объявленія, по слѣдующему адресу: г. Минусинскъ, Ново-Присутственная ул., домъ Фроловой, квартира помощника присяжнаго повѣреннаго Петра Михайловича Ермолаева.

Подписка производится ежедневно съ 10 часовъ утра до 2 часовъ дня.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ: На годъ съ доставкой и пересылкой—4 руб. На 1 мѣсяць—40 коп.

Г. Минусинскъ. Редакторъ-Издатель газеты „Минусинскій Край“ пом. пр. пов.
1914 г., января 14 дня. Л. М. Ермолаевъ.

ВНИМАНІЮ

Этнографовъ, Географовъ, Археологовъ и Коллекціонеровъ.

Исполняю заказы на фотографическіе снимки (позитивы) по имѣемымъ собственнымъ негативамъ, относящимся къ этнографіи, географіи, археологіи и исторіи Минусинскаго края. Имѣется болѣе 1000 негативовъ.

Размѣръ фотогр.: 9×12 , 13×18 и 18×24 с/м. и стереоскоп. $8\frac{1}{2} \times 17$ с/м.

Имѣются снимки быта Минусинскихъ татаръ, ихъ типы по племенамъ; древности края—курганы, каменные бабы, древнія письмена, курганныя находки; виды береговъ р. Енисея, г. Минусинска и его окрестностей; снимки Минусинскаго Мартыановскаго музея; видъ курорта «Озеро Широ»; виды Усинскаго края и типы урянховъ (сойотъ).

МНОГІЕ СНИМКИ ИЗДАНЫ ОТКРЫТЫМИ ПИСЬМАМИ.

Н. В. Федоровъ.

АДРЕСЪ: г. Минусинскъ, Троицкая площадь,—

Николаю Васильевичу Федорову.

Существуетъ съ 1888 г.

ЭЛЕКТРО-ТИПОГРАФІЯ

В. В. ФЕДОРОВА

въ г. Минусинскѣ.

Исполн. разнообразн. казен. и частныя типографскіе заказы
по значительно удешевленной цѣнѣ.

Для г. г. золотопромышленниковъ имѣются въ продажѣ золотозаписныя пріисков. книги, расчетн. книги и книжки, контракты, табеля, раскомандировки, бланки для свѣдѣній и пр.

Для солеварен. и друг. заводовъ и фабрикъ имѣются казенныя и частн. книги, расчетныя книжки, а также и пр. бланки.

Для волостныхъ и сельскихъ правленій имѣются въ запасѣ разн. бл. и кн. Для удобства просимъ прилагать оригин. требуем.

На новой большой скоропечатной машинѣ типографія въ настоящее время имѣетъ возможность исполнять крупныя заказы, а объявленія и плакаты—самаго большого размѣра (двойной форматъ альбомной или газетной бумаги).

ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ КЪ НАЗНАЧЕННОМУ СРОКУ.

При типографіи фабрика научуковыхъ штемпелей и переплетная.

Т-ВО „КАРАВАНЪ“⁶⁶

ПРАВЛЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ.

Владѣльцы Товарищества Торговый Домъ **ВОГАУ и К^о.**
(ОСНОВАНЪ ВЪ 1840 ЮДУ).

ЧАИ СВѢЖИХЪ СОРТИРОВОКЪ
ВЫДАЮЩАГОСЯ КАЧЕСТВА
ОСОБО УДАЧНЫЯ ЗАКУПИВЪ НЫНѢШНІЙ СЕЗОНЪ

Собственныя закупки чаевъ въ ХАНЬКОУ, ШАНХАЙ, ФУЧАО, БАТАВИИ (Ява), КОЛОМБО, КАЛЬКУТТѢ и ЛОНДОНѢ.

Развѣска чаевъ производится въ городахъ: МОСКВА, ОДЕССА, УФА, САМАРКАНДЪ и СРѢТЕНСКЪ.

Оптовые Склады Торг. Дома **ВОГАУ и К^о Т-ва КАРАВАНЪ**

въ АРХАНГЕЛЬСКѢ, АСТРАХАНИ, БАРНАУЛѢ, БАКУ, ВАРШАВѢ, ВѢРНОМЪ, ИРКУТСКѢ, КОКАНДѢ, КАЗАНИ, НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ, НАМАНГАНѢ, ОДЕССѢ, ОМЪКѢ, ОРЕНБУРГѢ, ПЕРМИ, РОСТОВѢ на/Д., САМАРѢ, САМАРКАНДѢ, СЕМИПАЛАТИНСКѢ, С.-ПЕТЕРБУГѢ, СРѢТЕНСКѢ, ТОМСКѢ, УРАЛЬСКѢ, УФѢ, ХАРЬКОВѢ, ЧИТѢ, ЯРОСАВЛѢ.

ЧАИ Т-ва КАРАВАНЪ ПРОСЛАВИЛИСЬ ВО ВСЕЙ ИМПЕРІИ, рождаются во всѣхъ лучшихъ колониальныхъ и бакалейныхъ торговляхъ, удовлетворяютъ всѣмъ изысканнымъ вкусомъ самыхъ требовательныхъ потребителей и имѣются въ **БОГАТОМЪ АССОРТИМЕНТѢ** на цѣны отъ 1 руб. 40 коп. до 5 рублей за фунтъ.